

ISSN 2307-5481

ПР ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-М POLITICAL VECTOR-M

КОМПЛЕКСНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ

COMPLEX
PROBLEMS
OF A MODERN
POLICY

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№2 2013

SCIENTIFIC JOURNAL

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-М

Комплексные проблемы
современной политики

научный журнал
№2/2013

Учредители:

Молодежное отделение
Российской ассоциации политической науки

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национально исследовательский университет)

Редакционная коллегия журнала:

Гонцов К.В.
(главный редактор)

Артёмов А.В.
(выпускающий редактор)

Гончарик А.А., к. пол. н.
(отв. секретарь)

Маркарян А.Г., к. соц. н.
Руденкин Д.В., к. соц. н.
Сунгуров А.Ю., д. пол. н., профессор
Трегубов Н.А., к. пол. н., доцент
Хвощев В.Е., к. филос. н., доцент

Придворова Ю.В.
(дизайн)

Complex problem of
a modern policy

POLITICAL VECTOR-M

ISSN 2307-5481

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,
доп. тел.: +7 (952) 528 98 86,
+7 (906) 869 63 20

email: politvek@gmail.com

web: www.morapn.ru

Формат 70x108 1/16
Усл. п. л. - 7,7
Тираж - 500 экз.
Номер заказа 567/781
Цена свободная

Переодичность выхода:

2 раза в год

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР – М: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ»

представляет собой коммуникативную площадку для будущих ученых и исследователей, а также специалистов интересующихся теорией и практикой политической науки.

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных аспектов (политического, социального, экономического, правового, духовного) жизни общества и государства.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И ТЕЗИСОВ:

1. Объем статьи 5–30 тыс. знаков с пробелами, шрифт Times New Roman 12, интервал полуторный, форматирование по ширине;
2. Рисунки, формулы должны быть выполнены в специальных редакторах и встроены в текст как объект;
3. Сноски сквозные постраничные;
4. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politvek@gmail.com) в формате *.doc;
5. Авторская справка, название, аннотация (500 знаков) и ключевые слова к статье на русском и английском языках.

**МОЛОДЕЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

www.morapn.ru | vk.com/morapn | fb.com/morapn

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

www.susu.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА	4
Барандова Т.Л. Биополитика современного государства в сфере пенитенциарных практик: основные философско-политические концепты и дебаты	4
ИССЛЕДОВАНИЕ	17
Гончаров С.В. Государственный аппарат как стержневая структура общества: по данным изучения общественного мнения	17
Гранатова Ю.В. Российская политическая идентичность в телемедином пространстве: борьба интерпретаций	29
Новикова С.А. Избирательная кампания по выборам мэра Москвы: срез социальных сетей	39
НОВЫЕ ВЕКТОРЫ	45
Краснощёров А.Ю. Особенности лидерства в рамках виртуальных политических сообществ: эффект мнимой легитимации	45
Закиров А.Р. Формы активного воздействия групп интересов на парламент российской федерации	49
Шахмурадян М.А. Принятие управленческих решений в контексте коллективного бессознательного	54
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ	64
Ведерникова М.И. Влияние древнерусских и европейских управленческих традиций на формирование социальных и политических институтов на территории современной республики беларусь в период средневековья и раннего нового времени	64
Сырцева Е.А. О гласности и новом политическом мышлении в эпоху перестройки (на материалах публицистов)	68
Шайхтдинова А.А. Мифы в сознании советской политической элиты (середина 1980-х – начало 1990-х гг.)	72
ИНТЕРВЬЮ	77
Ривера Д.В. <i>беседовал Кучинов А.М.</i> Интервью с профессором Риверой Д.В.	77
АВТОРЫ	86

Редакция не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов

БИОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАКТИК: ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ И ДЕБАТЫ

Барандова Т.Л.

В статье приводится краткий обзор подходов к направлениям биополитики в современном государстве, а так же философско-политологической теоретической рамки (пере)осмысления феномена наказания как властно-политической практики, продиктованной целями и ценностями государства и на обзор правовых/юридических документов с помощью которых реализуется защита прав в сфере уголовной юстиции и пенитенциарных отношений.

Ключевые слова: биополитика и биоконституционализм, политическая технология тела, государственная власть, пенитенциарные отношения, права человека.

The article provided short review of the theoretical approaches for the analysis of biopolitics/biopolicy in contemporary state, as well as philosophical and politological frame of (re)thinking phenomenon of punishment as the political practice, included in the goals and values of the state, and on the legal/juridical documents for human rights protection in the criminal justice and penitentiary relations fields.

Keywords: biopolitics/biopolicy & bioconstitutionalism, political technology of the body, state power, penitentiary relations, human rights.

(ПЕРЕ)ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Современность, вооруженная результатами знаний, полученных с помощью использования новых (высоких) технологий, коренным образом ломает устоявшиеся представления не только о многих концептуальных понятиях (продуктах мыслительной деятельности человека), но и о фундаментальных феноменах жизнедеятельности (биологических и социальных оснований для разработки политики и права)¹. В частности, учеными (и консервативными активистами) вопрошаются что есть сама жизнь, в какой момент она начинается и заканчивается... Достижения генетики, например, демонстрируют чрезвычайную сложность таких научных проблем, как наделение правами нерожденное человеческое существо (эмбрион), идя еще дальше и размышляя уже о стволовых клетках, как прототипах жизни (не только человека, но и животных).

Биологически «живое» в научно-правовой рефлексии актуализируется как совокупность приложений современных наук к социально-политической проблематике государств и сообществ от локального до глобального уровней². Например, вопрос о должном отношении человека к планетарному биоразнообразию уже дав-

¹ Подробно рассмотрено в: Олескин А. В. Биополитика. Философский фундамент. Эволюционно-биологический подход к политическим системам политической деятельности. Применение к политической практике. – М.: Научный мир, 2007. – 365 с.

² Masters R.D. Biology and politics: linking nature and nurture // Ann. Rev. Polit. Sci. 2001. V.4. P.345–369.

но стоит на повестке дня политического и общественного активизма, в русле его решения вырабатываются нормативно-правовые регуляторы (экологическое право и права человека на чистую окружающую среду, реализуемую в практическом подходе «социальной экологии» в Европейской модели социальной политики³, концепт прав животных и т.п.). Это направление является одним из подходов к разработке биополитических исследований.

В XX веке, переосмысливая догадки Ч.Дарвина⁴, человечество пережило несколько социо-гуманитарных политических катастроф, породивших(ся) в результате тоталитарных философий и идеологий такие понятия как «евгеника» и «расизм», отразившиеся в практиках дегуманизации населения тоталитарных режимов, жертв холокоста и порождении ненависти человека к человеку на основании идеологических измышлений относительно «различий». Вопросы этического в публичной политике⁵, как и использования биологических (эволюционистских и системных) концепций и методов к пониманию политического поведения в т.ч. многоэтнических государствах, изучения социальных коммуникаций человека в рамках политической психологии и конфликтологии, выразились в создании комплексного понятия «безопасность человека»⁶ и «мультикультурализм»⁷, которые вызывают широкий дебат как исследователей, так и политических теоретиков и практиков, который тоже можно отнести к вопросам изучаемым в русле биополитики.

Тем не менее, на современном этапе человечество уже предприняло попытку создания «внутренних механизмов безопасности» (термин М.Фуко, который будет раскрыт далее) для того, чтобы ограничить использование как неправовых, так и легальных инструментов дискриминации и уничтожения себе подобных, разработав множество документов наднационального (надгосударственного) уровня, объединенных в права человека. Формулировки данных документов подчеркивают базовую мысль: человеческие существа, не зависимо от биологического пола, цвета кожи, состояния здоровья и т.п. в равной степени обладают правами и свободами для поддержания человеческого достоинства и развития личных способностей. Предполагается, что для реализации целей, например достижения гендерного равенства, государство и общество преодолевает культурные стереотипы, помогая индивидам реализовывать права и возможности, создавая условия, чтобы они могли вносить вклад в политическое, экономическое, социальное, культурное развитие и пользоваться результатами труда и жизненного творчества. Не смотря на то, что феминистские авторы критикуют концепт прав человека именно за «универсалистские» тенденции, без учета и введения в анализ дополнительных стратификационных характеристик (класс, раса, этничность, принадлежность к социальной страте, уровень образования, доход, территорию проживания и т.п.), дискурс, как решающий спектр проблематики нарушения прав, связанных с половой принадлежностью индивида и принадлежностью индивида к социальной коллективной группе «женщины», все-таки получает нормативное оформление и положение женщин во многих странах мира существенно улучшается. Прогресс в исследова-

³ Социальная Европа в XXI веке. Под ред. М.В.Каргаловой. – М.: Весь Мир, 2011 – 528 с.

⁴ Somit A., Peterson S.A. Darwinism, dominance, and democracy. Westport (CA): Praeger Publ. 1997.

⁵ Caldwell L.K. Biopolitics: science, ethics and public policy // Yale Rev. 1964. V.54. N. 1. P.1–16.

⁶ Концепт подробно отражен в Докладе ООН «Human Security» за 1994 год.

⁷ Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России: социология, этнология. 2008. Т.17, № 1. С.102–121.

тельском и научном дискурсе способствовал тому, что в понимание прав человека происходит в повестке дня начала XXI века введение (практического, прикладного) анализа нарушений и разработки механизмов защиты прав человека, как биологического существа (т.е. фундаментально здесь именно право на жизнь). В рамках современных (западных) междисциплинарных исследований дискурсе по вопросам идентичности, в том числе в правовом и в политологическом ключе, является определяющим для введения в концепт прав человека аспектов, связанных с сексуальной и гендерной идентичностью, в российской действительности проблемы нарушений прав человека в сферах применения гено- и биотехнологий, в т.ч. в репродуктивной сфере, ведется не столько в русле взвешенного развития научно-правового диалога вокруг концепта «биоконституционализм»⁸, а с позиций навязывания консервативной идеологической позиции (около)конфессиональных акторов политического процесса. Как область политической деятельности, динамика которой опирается на новые познания о живом (прикладные аспекты и регулирование генетических технологий, биоэтика, биомедицина и др.) биополитика представляет самый прямой интерес для современных нормотворческих/политических дискуссий и изучения. Однако все перечисленные выше подходы (каждый) требуют отдельной статьи, а в данном обзоре мы остановимся лишь на одной проблематике – пенитенциарных практик.

Еще один влиятельный ракурс понимания биополитики как совокупности политических мер по воздействию на биологическое начало в человеке и контроль за демографическими, сексуальными, поведенческими проявлениями жизнедеятельности людей (которые включают в себя политическая философия и социология), является, пожалуй, самым разработанным в контексте отечественной политико-социологической рефлексии. Классическим автором в рамках данного подхода является М.Фуко⁹. Именно в рамках его философских инсайтов, были сформулированы теоретические основы, используемые для анализа феномена «наказания» и переосмысления его в качестве политической практики, развитые Дж.Агамбеном. Рассмотрим их подробнее.

НАКАЗАНИЕ И ПРАВО НА ЖИЗНЬ В КОНТЕКСТЕ ДЕБАТОВ М.ФУКО И ДЖ. АГАМБЕНА

Корни политических размышлений о феномене наказания уходят в Античность, но с XVIII столетия политико-правовая и социально-философская мысль претерпевала трансформации в сторону его гуманизации. С середины XX века научные рефлексии повлекли за собой идеи коренного реформирования пенитенциарных систем в большинстве европейских обществ, явившиеся не в последнюю очередь следствием переосмысления наследия как властных институтов реализации правосудия, так и практик осуществления наказания и восприятия его со стороны общества в тоталитарно-репрессивных политических режимах первой половины прошлого столетия. «Политизация жизни», т.е. «всё возрастающее значение

⁸ Refraining Rights. Bioconstitutionalism in the Genetic Age / ed. by S.Jasanoff. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts. 2011. P. 305.

⁹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А.В.Дьяков. СПб.: Наука, 2010.

природной жизни человека внутри механизмов и расчетов власти»¹⁰ и изучение политического, исходящее из утверждения, что «современный человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа, ставится под вопрос»¹¹ (на примерах политики тоталитарных государств XX века от больниц и тюрем, до концентрационных лагерей, и посредством изучения форм насилия и наказания), приобрела размах в современном государстве. Как если бы всякое решающее политическое событие всегда имело две стороны: пространства, свободы и права, которые индивиды отвоевывают в конфликте с централизованной властью, приводят к тайной, но постоянно усиливающейся фиксации их жизни государственным порядком, создавая тем самым новую и более опасную опору для суверенной власти, от которой они хотели бы освободиться...

М.Фуко постулировал, что «право» на жизнь, на тело, на здоровье, на счастье, на удовлетворение потребностей недоступно для понимания в рамках классической юридической системы, но понимаемое как «права человека» оно становится по ту сторону всяческих притеснений и позволяет обнаружить то, что мы есть, и то, чем мы можем быть... и является политической репликой на новые процедуры власти, а Дж.Агамбен отмечал, что в буржуазных демократиях притязания «голой жизни» приводят к главенству частного над публичным, личных свобод над общими обязанностями, а в тоталитарных, наоборот, становятся важнейшим политическим критерием и идеальным пространством для решений верховной суверенной власти. В частности, изучая проблему взаимовлияния государственного права и человеческой жизни, можно отметить у Дж.Агамбена, подмечающего, что при потере границы между этими понятиями, оба они исчезают в недрах «исключительного/чрезвычайного» положения. Данное положение превращает жизнь человека в объект ведения со стороны экспертной власти над «биологической» компонентой личности в рамках цели исполнения права¹². В «зазоре» между гражданским положением, основанном на государственном праве, и фундаментальными правами человека, основанными на принадлежности к биологии, т.е. жизни, и лежат его размышления.

М.Фуко обратил внимание на исторически складывавшиеся механизмы «дисциплинирования» посредством надзора, всеобщего контроля над поведением, исследуя локальные формы власти находящейся на нижних пределах своего проявления, касающихся воздействия на тела индивидов (биополитики), а не только на глобальные формы господства. Рассуждения Фуко отвечают современным западным представлениям о власти как о феномене, принудительно действующем на отдельную личность и контролирующем ее в повседневных практиках, но при этом остающемся противоречивой, неожиданной и непредсказуемой (т.е. мистической, иррациональной), рассредоточенной по разнообразным сферам и существующей в виде дискурсов. Его работа «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975), могла бы явиться образцом исследования трансформации дискурсов об изменении отношения общества и «властных институтов» к преступлению, к тому, как проис-

¹⁰ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011.

¹¹ Там же.

¹² Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011; Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011; Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012.

ходила «гуманизация» наказаний, менялись его виды и формы¹³. В данной работе Фуко описывает теорию "паноптизма" (полной поднадзорности), идею которой позаимствовал у Д. Бенстама, предложившего в конце XVIII в. архитектурный проект тюрьмы "Паноптикон" с располагавшимися по кругу камерами и центральной башней, откуда ведется постоянное наблюдение и никто из заключенных не может быть уверен, что за ним не наблюдают, а в результате – начинает самостоятельно контролировать свое поведение. Французский философ отличался глубоким осмыслением взаимосвязей между властью и знанием (в частности, различных вовлеченных «экспертов», заменивших палача), и воплощением этой связи в правовых институтах. В частности, в отношении «наследственности» недавней российской истории наказаний он высказал ряд гипотез в тексте «Власть и стратегии»¹⁴, которые представляют размышления над причинами возникновения ГУЛАГа.

Итак, согласно Фуко все социальные отношения являются властными отношениями, а власть понимается в качестве «совокупности процедур, призванных сооружать, поддерживать в исправности и совершенствовать механизмы власти, – так вот, данные отношения не являются автогенетическими, автосубзистарными, содержащими в себе свои собственные основания», следовательно «если вы намерены вести борьбу, вам нужно учитывать некие ключевые обстоятельства, видеть активность неких элементов, обратить внимание на некие преграды и препятствия»¹⁵. Он развивает мысль о том, что элементарный закон уголовного права в форме запрета совместно с соответствующим наказанием за его нарушение, помещает человека в определенные рамки двойственности, где с одной стороны начинает функционировать система различных наблюдений, проверок, действий по надзору и контролю, а с другой стороны в сферу наказания, представленную «практикой заточения», в пространстве которой подвергается воздействию серии процедур по его трансформации, т.е. «пенитенциарным техникам». Фуко заявляет: «форма, предполагающая утверждение закона и фиксацию наказания для тех, кто его нарушает, – это система кода законности с бинарным разбиением на дозволенное и запрещенное... это дисциплинарный механизм, характеризующийся тем, что внутри бинарной системы кода обнаруживается третий персонаж, а именно виновный...»¹⁶. Вне отмеченного кода находится целый ряд техник, обеспечивающих процедуры «возможной обработки индивида». Фуко подчеркивает, что речь идет о техниках, которые создают предпосылки к «новоевропейской» системе законности, оформляющейся с появлением новых видов карательных мер и развитием процедуры калькуляции издержек наказания¹⁷.

По Фуко, «техника исправления вытесняет в наказании собственно искупление содеянного зла и освобождает судей от презренного карательного ремесла», однако «наказание вообще и тюрьма в частности принадлежат к политической

¹³ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч.Офертаса под общ. Ред. В.Л.Визгина и Б.М.Скуратова. – М.: Праксис, 2002.

¹⁴ Там же. С.312–314.

¹⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. Перевод с французского В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. – СПб., Наука, 2011. С. 14.

¹⁶ Там же. С.17–19.

¹⁷ Там же. С.20.

технологии тела»¹⁸. Не смотря на то, что орудием наказания служит тело человека, но оно используется с целью «воздействия на душу» путем ограничения в правах, поскольку «если на него воздействуют тюремным заключением или принудительным трудом, то единственно для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью»¹⁹. На достижение этой цели, согласно Фуко, направлена современная система исполнения наказаний, но «знание, методы, "научные" дискурсы формируются и постепенно переплетаются с практикой власти наказывать»²⁰, а наказание является не только общественно-этической функцией, но и политической стратегией органов власти. Обе – исправительная и дисциплинарная – техники практик наказания обнаруживают в себе нечто подобное механизму безопасности, а в его лице «мы имеем дело с поистине невиданной активизацией сферы права, поразительным разбуханием кода правовой законности, призванного обеспечить функционирование этой системы безопасности». Техники трансформируются и усложняются, но главное, что «претерпевает метаморфозу структура корреляции между механизмами правовой законности, механизмами дисциплинарными и механизмами безопасности»²¹.

На индивидуалистическом уровне, Фуко отмечает, что уже в XIX веке «наказывая худшего из убийц, нужно видеть и уважать в нем хотя бы одно – «человека»... придет день, когда «человек», открытый в преступнике, станет мишенью уголовно-правового вмешательства, объектом исправления и преобразования, окажется в центре целого ряда странных наук и практик — «пенитенциарных», «криминологических». Но в эпоху Просвещения человек противопоставляется варварской жестокости публичных казней отнюдь не как тема положительного знания, а как законный предел: законная граница власти карать»²². Вопрос, которым задается философ, заключается в поиске решения проблемы того, «как человек-предел может быть противопоставлен традиционной практике наказаний?»²³. Мы видим здесь в качестве одного из возможных ответов обращение к механизмам защиты прав человека, вообще каждого и/или конкретного, подвергнувшегося пенитенциарным отношениям.

На общественном/массовом уровне, в поздних работах он отмечает, что «ориентация на безопасность привела к такому злоупотреблению дисциплинарными техниками..., что общество охватило если не возмущение, то во всяком случае сильное беспокойство – для него этот удар оказался достаточно серьезным, чтобы вызвать с его стороны вполне осязаемую бурную ответную реакцию»²⁴. Эволюция этой реакции привела к появлению «технологий безопасности, складывающихся внутри приспособлений самого разного вида: будь то механизмы, которые действуют в пространстве социального контроля, как в ситуации с наказанием, или механизмы, призванные модифицировать биологическое существование людей»²⁵. Мы склонны рассматривать далее институт Омбудсманов (российский аналог –

¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Перевод с французского Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой. «Ad Marginem», 1999. Предисловие.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Фуко..., 2001. С.22.

²² Фуко..., 1999. С. 106.

²³ Там же. С. 107.

²⁴ Фуко..., 2011. С. 25.

²⁵ Там же. С. 26.

Уполномоченный по правам человека) в качестве одного из таких институционализированных механизмов «технологий безопасности» для человека, в т.ч. и тех граждан, которые находятся в пенитенциарных отношениях. Тем более, что следуя развитию мысли М.Фуко, помня о том, что мы остаемся в русле учета государственного интереса, который в современности не в последнюю очередь базируется на интересе рациональном – экономическом и внешне/внутриполитического равновесия, – подходим к и вопросам модификации государственного управления, при которой основополагающей целью становится внедрение механизмов безопасности в естественных феноменов и процессов, свойственных населению. Отсюда проистекает предписание «свободы не только как права индивидов, законно противостоящих власти, узурпации, злоупотреблениям правителя или правительства, но и свободы, становящейся элементом, необходимым для самого управленчества»²⁶. Эта точка зрения близка позиции Ф.Ницше, считавшего, что при любом варианте угнетения, угнетенные борясь за справедливость, в принципе оправдывают желание «власти для себя», а история представляет нескончаемую борьбу за господство, т.о. власть может проявляться и как репрессивно-подавляющая субстанция, и как освобождающая сила. Фуко прямо заявляет: «Не соблюдать свободу – значит не только осуществлять злоупотребления по отношению к закону, но главным образом не уметь управлять, как следует»²⁷.

БИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЛИ НОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВА В ВОПРОСАХ НАКАЗАНИЯ?

С точки зрения осмысления вопроса наказания, в политико-правовых, прикладных криминологических и пенологических дискуссиях, значительную роль играют работы норвежского философа права Н.Кристи. Он осмысливает проблематику уголовного, в частности, наказания в моральных и экономических контекстах осуществления государственной власти наказывать, отмечая при этом влияние социально-экономического спектра воздействий на пенитенциарные отношения. Уделяя серьезное внимание технологическим нововведениям рассмотрения тюрьмы как «продукта» в «торговле правом исполнять наказание» и в «торговле правом осуществлять надзор», Кристи выходит на вопросы об «уместном количестве страданий» для человека в заключении²⁸. Не ограничиваясь нормативными рамками, регулирующими отношения внутри пенитенциарной системы, он затрагивает широкие пласты политико-общественных отношений, которые вскрываются через изучение системы исполнения наказаний, отмечая, что «преступление – это понятие, применяемое в определенных социальных ситуациях, когда это возможно и соответствует интересам одной или нескольких сторон»²⁹. Более того, он развивает позицию о том, что «закон создает преступления», следовательно, «надо по-

²⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Перевод с французского Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой. «Ad Marginem», 1999. Предисловие. С. 445.

²⁷ Там же. С. 445-446.

²⁸ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Пер. с англ. А.Петрова, В.Пророковой. Предисл. Я.Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – 224 с. (а).

²⁹ Кристи Н. Пределы наказания. М.: издательство «Прогресс», 1984. (Вступ. статья А. М. Яковлев, В. М. Коган).

пытаться вскрыть предпосылки уголовного закона, основания уголовно-правового запрета, попытаться выявить и осознать те социальные структуры и процессы, которые с неизбежностью предопределяют возникновение тех или иных правовых категорий и институтов, и конструктивно на них воздействовать»³⁰. Следуя данной логике, закономерно автор выходит на то, что (функционально, идеологически и экономически) борьба с преступностью становится важным компонентом сферы политического, прямо заявляя, что «большинство политиков мечтает о том, чтобы главенствовали законы, особенно уголовные. Объяснение этому достаточно простое... В условиях внеполитической экономики, отсутствия налоговых средств для социальных реформ, в обществе, где прочно установился монолит и где даже иностранные и военные политики не представляют никакого интереса вследствие окончания холодной войны, в этой системе преступление выходит на тот план, который раньше занимала политика»³¹. Апогеем анализа становится его концепт «опасного государства», о котором можно сказать, что это такое государство, «которое применяет понятие опасного индивида ко всем своим гражданам... озабочено преступностью вообще, а не опасностью, исходящей от определенных индивидуумов, совершивших особо опасные преступления»³². В качестве разъясняющей характеристики, подчеркивается, что в опасных государствах «заклучение под стражу практикуется по таким малозначительным поводам... В этих государствах чрезвычайную опасность усматривают в повторном совершении подобных деяний. Подобная трактовка опасных преступлений неимоверно увеличивает объем государственного вмешательства. Государства начинают представлять опасность для своих граждан тем, что приравнивают преступления (в их понимании) к опасности, а лиц, совершающих их, - к лицам, представляющим опасность»³³. Среди примеров для своих исследований Н.Кристи включал и российские исторические реалии, посвятив им целую главу «Русский вопрос» в одной из своих монографий³⁴.

Наказание со стороны государства, являясь практикой, продиктованной определенными ценностями, позволяет официальным лицам оправдывать и сам институт наказания, и свои деяния внутри него, ссылаясь на легитимизирующие цели, апеллирующие к нормативным теориям... Непосредственно политические теории по-разному затрагивают различные аспекты полномочий государства и предусматривают различные типы взаимоотношений между органами государственной власти и отдельными гражданами. Коммунитарные теории государства не склонны разграничивать интересы граждан и государства, акцентируя внимание на коллективном благе, чем придают государству значимую роль в обеспечении коллективного благосостояния и защиты общественных ценностей, готовы защищать интервенционистскую и патерналистскую форму пенитенциарной системы и пропагандировать кодекс коммунитарных целей (таких, как социальная реабилитация, моральное перевоспитание и реинтеграция преступников). В либеральных теориях преобладает интерес к состоянию индивидуальных прав и свобод, обеспечению

³⁰ Кристи Н. Пределы наказания. М.: издательство «Прогресс», 1984. (Вступ. статья А. М. Яковлев, В. М. Коган).

³¹ Кристи Н. Об опасностях свержения криминализации [Электронный ресурс] Центр содействия реформе уголовного правосудия: URL: <http://www.prison.org/lib/christy4.shtml> (дата обращения 12.09.2012).

³² Кристи Н. Опасные государства. Перевод с английского Александра Богдановского. - Индекс/Досье на цензуру. № 13-14, 2001(б).

³³ Там же.

³⁴ Кристи..., 2001 (а).

граждан надежной правовой базой, внутри которой те могли бы самостоятельно строить свою жизнь и делать собственный выбор блага³⁵. Либеральные принципы, позволяющие государству наказывать своих граждан, одновременно налагают и ограничения на властные полномочия (наказывать не более сурово, чем это необходимо для обеспечения целей наказания), а государственные институты уголовного судопроизводства не должны бесцеремонно вторгаться в личную жизнь и посягать на личную свободу граждан³⁶. Как отмечают Дафф и Гарланд, «всегда существует несоответствие между заявленными целями той или иной стратегии и ее конкретным применением на практике; несомненно также, что всегда существуют некие латентные цели, которые официальные лица не склонны предавать огласке. Но всякий адекватный анализ пенитенциарной практики вынужден будет понять нормативные обоснования, которыми продиктовано поведение государственных чиновников»³⁷.

Таким образом, адекватен вопрос изучения практик (не)соблюдения прав человека, находящегося в ведении пенитенциарной системы, а в потенциале его можно рассматривать и как индикатор уровня репрессивности государственной политики, и как элемент прикладного анализа социального благополучия/безопасности самих уязвимых групп (находящихся в местах заключения) и общества в целом (вкл. не только родных и близких, а всю окружающую среду, в которую выходит человек после отбывания наказания в виде лишения свободы)³⁸. Но любой возможный ответ на такой вопрос должен быть подкреплён адекватным пониманием нормативных рамок и спектра защиты прав человека для данной категории лиц.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, КАК КОНСЕНСУС В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Правовое закрепление рассмотренных философских тезисов на уровне международного сообщества произошло во второй половине XX века в русле развития системы защиты прав человека. Многочисленные международные документы представляют инструмент воздействия для согласования усилий государств в разрешении проблем их уголовно-исполнительной политики. Разработаны и приняты как *инструментальные механизмы* (стандарты ООН и Совета Европы, Всеобщая Декларация прав человека, Международный Пакт о гражданских и политических правах, Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов об-

³⁵ Международные институты защиты прав человека. Система ООН: учеб. пособие / авт.-сост. Т.Л. Бараandroва; под ред. А.Ю. Сунгуrowa. Сер. Библиотека Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ. Вып. 9. СПб.: Норма, 2010.

³⁶ Дафф Э., Гарланд Д. Размышления о наказании [Электронный ресурс] Индекс. Досье на цензуру. 2003. № 18. URL: <http://index.org.ru/journal/18/18-daffgar.html> (дата обращения 28.02.2014).

³⁷ Там же.

³⁸ Попытка эмпирического анализа обозреваемого измерения на российской действительности приводится в: Бараandroва Т.Л. Уполномоченный по правам человека: концептуальные подходы и реалии отечественной пенитенциарной системы / Журнал исследований социальной политики. – №4, 2012. – С. 505–520.

ращения и наказания, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Рекомендации Комитета министров государств-членов СЕ о содержании под стражей в ожидании судебного разбирательства, Рекомендации Комитета министров государств-членов о европейских пенитенциарных правилах, Стандарты Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП)³⁹ и другие), так и *институциональные механизмы* (Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, ЕКПП, Омбудсмены и международные/национальные общественные правозащитные организации).

Основополагающим документом являются Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, дополненные специальными резолюциями Экономического и Социального Совета ООН. Правила предусматривают следующее: 1) каждый заключенный должен быть обеспечен одеждой, которая не должна быть позорящей или унижающей его достоинство; 2) для всех заключенных должны быть созданы условия для продолжения образования, религиозного отправления, культурной деятельности; 3) режим, принятый в пенитенциарном заведении, должен сводить до минимума разницу между жизнью в тюрьме и на свободе, а перед завершением срока наказания необходимо принимать меры к возвращению к жизни в обществе; 4) в обращении с заключенными необходимо подчеркивать не их изоляцию от общества, а то, что они продолжают оставаться его членами; 5) органы тюремного управления должны заботиться о тщательном подборе персонала. Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), были разработаны дополнительно.

Для функционирования механизма обеспечения прав человека принят Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, согласно которому должностные лица обязаны защищать любых лиц от противоправных действий, но обеспечивая правопорядок, обязаны заботиться об охране здоровья задержанных лиц, принимать меры по медицинскому обслуживанию тех лиц, которые в этом нуждаются. Вкладом в защиту прав заключенных стало принятие Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (в основу положена ст. 9 Всеобщей декларации прав человека), где главным предназначением является обеспечение задержанным режима, соответствующего статусу не осужденных, т.е.: 1) лицо, задержанное по уголовному обвинению, имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки или на освобождение до суда; 2) запрещается введение ограничений в отношении лица, для которого нет непосредственной необходимости задержания; 3) соответствующие власти должны принять меры для обеспечения помощи членам семьи задержанных и уделить особое внимание опеке над детьми, оставшимися без присмотра; 4) ни одно задержанное лицо не должно подвергаться во время допроса насилию, угрозам или методам дознания, которые нарушают способность принимать решения или выносить суждения; 5) задержанному лицу предоставляется право на посещение его членами семьи, на переписку с ними, обеспечивается возможность контак-

³⁹ Тексты докладов ЕКПП [Электронный ресурс] Council of Europe. URL: <http://www.cpt.coe.int/lang/rus/rus/standards.doc> (дата обращения 28.02.2014).

тировать с внешним миром согласно разумным условиям и ограничениям, содержащимся в законодательстве конкретного государства⁴⁰.

Среди важнейших документов мировой пенитенциарной системы разработаны: Принципы медицинской этики о роли медицинских работников в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания, Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). На субрегиональном и национальном уровнях также ведется работа по развитию нормативной платформы (в т.ч. с учетом анализа практики деятельности Омбудсманов). В частности заслуживают упоминания Европейские Пенитенциарные Правила - общие принципы обращения с лицами, заключенными под стражу, которые характеризуют минимальные условия, которые рассматриваются Советом Европы в качестве приемлемых для обеспечения защиты указанных лиц от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения, поддержания дисциплины и порядка в пенитенциарных учреждениях.

Однако необходимо отметить, что в международном праве нет юридически обязательного документа, регламентирующего деятельность пенитенциарных учреждений и закрепляющего статус заключенных. Защита прав человека в мировой пенитенциарной системе стала предметом рассмотрения международного гуманитарного и международного уголовного права, что подтверждает социальную значимость проблемы. В этой связи институт Омбудсманов (российский аналог – Уполномоченный по правам человека) и ученые отражают видение места и роли мировой пенитенциарной системы в международном праве и защиты прав заключенных⁴¹.

ВЫВОДЫ

Публичные философско-политические дискуссии современности в целом подвергли сомнению тотальное право государства с помощью наказания добиваться морального порицания или просвещения правонарушителя, равно как и перевоспитания конкретных правонарушителей и их социальной реабилитации. Западные мыслители и исследователи обличили государственную власть в сверхприменении дисциплинарных и исправительных техник. В результате, в сфере отношений государства со своим населением, наметились фундаментальные изменения. М.Фуко отмечает, что «интеграция свобод и границ, свойственных этой свободе внутри области управленческой практики, - это стало теперь императивом» и ограничение вмешательств государственного управленчества, которые не будут обязательными, повсеместными, должно строиться на принципах стимулирования или манипулирования так, что «необходимо будет управлять, но не регламентировать», чтобы распалась «сверхрегламентирующая полиция»⁴².

⁴⁰ Тексты докладов ЕКПШ [Электронный ресурс] Council of Europe. URL: <http://www.cpt.coe.int/lang/rus/rus/standards.doc> (дата обращения 28.02.2014).

⁴¹ Rights of person deprived of their liberty: the role of national human rights structures which are OPCAT mechanisms and of those which are not / 9–10 April 2008 Workshop debriefing paper. Council of Europe, European Union, University of Padua. – Tipografia Eurooffset, 2009.

⁴² Фуко... 2011. С. 445.

Эстафету интеллектуальной борьбы философов восприняли политики и управленцы. С начала развития международного публичного права и системы прав человека, вопрос о наличии человеческого достоинства у людей, совершивших преступление и несущих наказание за него, был включен в дискурс правоведов и политиков на конкретно-прикладном уровне разработки механизмов обеспечения прав человека для всех категорий заключенных и лиц, ограниченных в дееспособности в связи с совершенным преступлением: задержанных, обвиняемых, подсудимых, осужденных, т.е. находящихся в сфере уголовной юстиции и пенитенциарных отношений. По нему в мировом политико-правовом измерении был достигнут консенсус, отчетливо выразившийся в разработке и принятии комплекса механизмов по нормативной регламентации и их институционального сопровождения. На уровне философии, для уменьшения степени опасности в современном государстве, необходимо навязать ему дискуссию о границах понятия «преступление» и ослабить тенденцию «наказания» в виде широкого применения лишения свободы⁴³, которое является инструментом биополитики.

Примечания:

1. Caldwell L.K. Biopolitics: science, ethics and public policy // Yale Rev. 1964. V.54. N. 1. P.1–16;
2. Masters R.D. Biology and politics: linking nature and nurture // Ann. Rev. Polit. Sci. 2001. V.4. P.345–369;
3. Reframing Rights. Bioconstitutionalism in the Genetic Age / ed. by S.Jasanoff. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts. 2011. P. 305;
4. Rights of person deprived of their liberty: the role of national human rights structures which are OPCAT mechanisms and of those which are not / 9–10 April 2008 Workshop debriefing paper. Council of Europe, European Union, University of Padua. – Tipografia Eurooffset, 2009;
5. Somit A., Peterson S.A. Darwinism, dominance, and democracy. Westport (CA): Praeger Publ. 1997;
6. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011;
7. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011;
8. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012;
9. Баранова Т.Л. Уполномоченный по правам человека: концептуальные подходы и реалии отечественной пенитенциарной системы / Журнал исследований социальной политики. – №4, 2012. – С. 505–520;
10. Дафф Э., Гарланд Д. Размышления о наказании [Электронный ресурс] Индекс. Досье на цензуру. 2003. № 18. URL: <http://index.org.ru/journal/18/18-daffgar.html> (дата обращения 28.02.2014);
11. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Пер. с англ. А.Петрова, В.Пророковой. Предисл. Я.Гилянского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – 224 с. (a);

⁴³ Кристи... 2001 (b).

12. Кристи Н. Об опасностях сверхкриминализации [Электронный ресурс] Центр содействия реформе уголовного правосудия: URL: <http://www.prison.org/lib/christy4.shtml> (дата обращения 12.09.2012);
13. Кристи Н. Опасные государства. Перевод с английского Александра Богдановского. - Индекс/Досье на цензуру. № 13-14, 2001(б);
14. Кристи Н. Пределы наказания. М.: издательство "Прогресс", 1984. (Вступ. статья А. М. Яковлев, В. М. Коган);
15. Международные институты защиты прав человека. Система ООН: учеб. пособие / авт.-сост. Т.Л. Баранова; под ред. А.Ю. Сунгурова. Сер. Библиотека Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ. Вып. 9. СПб.: Норма, 2010;
16. Олескин А. В. Биополитика. Философский фундамент. Эволюционно-биологический подход к политическим системам политической деятельности. Применение к политической практике. – М.: Научный мир, 2007. – 365 с.;
17. Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России: социология, этнология. 2008. Т.17, № 1. С.102–121;
18. Социальная Европа в XXI веке. Под ред. М.В.Каргаловой. – М.: Весь Мир, 2011 – 528 с.;
19. Тексты докладов ЕКПП [Электронный ресурс] Council of Europe. URL: <http://www.cpt.coe.int/lang/rus/rus/standards.doc> (дата обращения 28.02.2014);
20. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. Перевод с французского В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. – СПб., Наука, 2011. С. 14;
21. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью /Пер. с франц. С.Ч.Офертаса под общ. Ред. В.П.Визгина и Б.М.Скуратова. – М.: Праксис, 2002;
22. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Перевод с французского Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой. «Ad Marginem», 1999. Предисловие;
23. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А.В.Дьяков. СПб.: Наука, 2010.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ КАК СТЕРЖНЕВАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Гончаров С.В.

В данной работе государственный аппарат рассматривается через призму общественного мнения. Автор делает попытку проследить эволюцию отношения общества и государства с момента распада СССР, объяснить современные тенденции и определить перспективы трансформации институтов власти и их образов. За эмпирическую основу исследования взяты данные «Левада-Центра».

Ключевые слова: государство, Россия, Путин, гражданское общество, общественное мнение.

This work contains an author's vision of the state machinery through the prism of public opinion. The author makes an attempt to monitor the evolution in relations between society and state since the collapse of the USSR, to explain current tendencies and define the prospects of state's institutions transformation in public opinion. *Levada Center* researches make up the empiric foundation of this work.

Keywords: state, Russia, Putin, civil society, public opinion.

В 1991 г. произошел слом старой, советской политической системы, и для многих западных исследователей, теоретиков демократического перехода сложилось уверенное представление о предопределенности развития политических процессов в странах-бывших республиках СССР. Всемирно известные ученые, Х. Линц, С. Хантингтон и др. предвещали новый этап демократического перехода. Подобная уверенность подкреплялась верой в экономически детерминированную природу политического процесса. Это, с одной стороны, придавало уверенность молодым политикам и экономистам, а с другой - легитимировало их действия, как априори верные и не нуждающиеся в подробном научном обосновании. При этом, неотъемлемой частью этих теорий было сопутствующее оценочно-нормативное видение, исходящее из сопоставления окружающей реальности с неким «идеалом». Однако, данный подход нивелировал культурные и исторические различия. Это привело к признанию данных концепций неподходящими для объяснения постсоветского феномена (за исключением стран Восточной Европы). Воодушевление быстро сменилось разочарованием возникшими «уродливыми» образованиями «дикого капитализма». Общая неудовлетворенность породила большое количество разнообразных теорий, концептов, идеологий, так или иначе объясняющих неудачу создания коммунизма и западного капитализма. По мнению социологов, Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, долгое время исследователи и идеологи подходили к решению проблемы «не с того конца»: нужно подходить к изучению политических процессов не с позиций историцизма, критиковавшимся еще К. Поппером и Р. Ароном.¹ «В конечном счете, - пишет Р. Арон, - уникальное и необратимое станов-

¹ Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Посттоталитарный Синдром: «управляемая Демократия» и Апатия Масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки / под ред. М. Линман, А. Рябов. - М.: Московский центр Карнеги, 2007. С. 8-64.

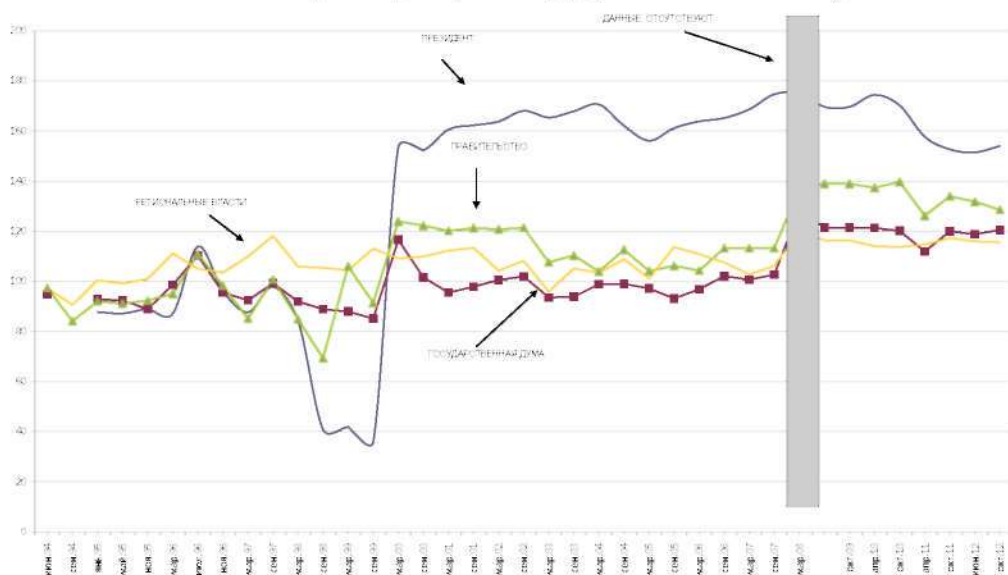
ление, по своему определению, не несет в себе закона, поскольку оно не воспроизводится - по крайней мере, возвращаясь к его началу, нельзя представить... те правила, которым подчиняется всеобщее движение»².

Сейчас перед нами достаточно остро стоит задача изучения развития политических институтов как наследников и правопреемников тоталитарных общественных структур. Обрушение фасада советской империи не повлекло за собой существенных качественных изменений в функционировании самих политических институтов. Наша задача в данном докладе оценить, насколько современные, текущие общественно-политические структуры являются новыми и независимыми по отношению к своим советским прародителям в общественном сознании.

ВЛАСТЬ РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ

Необходимо разграничение государственной власти и других ее видов. Существуют значительные различия в отношении к «своей» (региональной, муниципальной) власти и к власти центральной (см. Рис. 1).

Рис. 1 Индексы доверия государственным институтам³

Примечание автора: до июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г.; N=1600.

Такое различие объясняется самой природой приобретения той или иной властной элитой полномочий, разным способ легитимации власти. Региональная элита формируется из «своих», с ее представителями люди могут быть знакомы лично, они могут иметь «прошлое» в глазах людей. Можно сказать, что представи-

² Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.—СПб, 2000. С. 83

³ Общественное мнение — 2012. Ежегодник. — М: Левада-Центр, 2012. С. 76.

Индексы строились как сумма процентной доли «полностью доверяющих» плюс половина от «не вполне доверяющих» минус доля «не доверяющих» плюс 100.

тели региональной власти, в отличие от представителей других типов власти, могут восприниматься как «живые люди», несмотря на свое привилегированное положение, они зачастую выступают как положительные персонажи. Муниципальные власти, по мнению россиян, занимаются лишь перераспределением материальных ресурсов и при этом жестко контролируются вышестоящими инстанциями. Оставшийся еще с советской эпохи кумовской и клановый тип кооптации региональной политической элиты, низкий уровень межличностного доверия удерживают доверие к региональной власти на стабильно низком уровне.

При этом традиционно в сознании россиян за уровень жизни людей, государственные решения несут ответственность люди в «центре, Москве, Кремле». По данным Левада-Центра, в 2012 году 59% россиян считали, что основная заслуга за экономические успехи России и рост благосостояния населения принадлежит В. В. Путину, 12% - министрам правительства и 3% - губернаторам и местной власти. Примечательно, что ответственность за проблемы в стране россияне распределяют несколько иначе. 51% наших соотечественников полагают, что основную ответственность за проблемы в стране несет В. В. Путин, 31% возлагают вину на Правительство России, 12% - на региональную власть. При этом по данным последнего на момент написания статьи опроса, проведенного в октябре 2013 г., деятельность губернатора в среднем по стране одобряли 54% респондентов, а В. В. Путина 65%. Разница в одобрении этих институтов в сознании граждан намного меньше, чем при ответе на вопрос об источниках «побед и поражений». Возможно, для россиян фигуры региональных политиков выглядят хоть и близкими (по словам руководителя отдела социокультурных исследований Левада-Центра А. Г. Левинсона, «губернаторы - это почитаемые лица»⁴).

По определению Ю. А. Левады, к сфере государственной власти относятся институционализированные формальные структуры и механизмы, обеспечивающие определенный нормативный порядок и управление.⁵ К сфере политики относится деятельность государственных структур и борьба за власть. В нашей политической действительности именно трактовка политики как борьбы привлекает наибольшее внимание (борьба за существование). Этот феномен может быть объяснен тем, что переход власти от одного политика к другому в России сопровождается стремлением персонализировать собственное правление, зафиксировать в сознании народа свою значимость. В таком случае политический процесс закрепляется в сознании не как логичный и закономерный, а как дискретный и, в некоторой степени, революционный. В. В. Путин обладает интересной чертой в массовом сознании: не он очеловечивает свой образ, а публика вменяет ему те или иные человеческие черты. Занимая высшее место во властной иерархии, он очеловечивается внешне. Собственные действия политика не воспринимаются общественным мнением и не

⁴ Интервью с А. Г. Левинсоном. Почитаемые лица / ИА «Версия-Саратов». URL: <http://nversia.ru/article/view/id/1483> (дата обращения: 17.11.2013).

⁵ Левада Ю. А. Феномен власти в общественном сознании: парадоксы и стереотипы восприятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М.: Левада-Центр, 1998. №5. С. 9–15.

имеют какого-либо значения для изменений его репутации. Ему позволено делать все, потому что эти действия обладают «тефлоновым»⁶ свойством.

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ПАТЕРНАЛИЗМ?

Отношение к государству как к главному, «осевому» общественному институту является признаком слабого развития горизонтальных, групповых связей. Существует и поддерживается традиция вмешательства государства в личные дела граждан. Обращаясь к истории, можно сказать, что Россия была местом сосуществования авторитарных, самодержавных концепций и при этом самых смелых, даже по меркам «передовой» Европы, революционно-анархических идей. У этих концепций есть много общего – признание решающей роли государственной власти. В речах и текстах даже крайне либерально настроенной интеллигенции можно уловить латентные признаки патерналистских и абсолютистских ожиданий по отношению к власти. Интересно, что и само понимание демократии толкуется россиянами скорее как «режим, в котором комфортно жить», то есть представляет собой лишь некий умозрительный ценностный идеал, с которым можно сравнивать существующую власть и определять ее степень «демократичности или недемократичности».

По данным Левада-Центра за 2012 г., россияне считают, что демократия – это⁷:

1. Свобода слова, печати, вероисповедания (47%);
2. Экономическое процветание страны (24%);
3. Порядок и стабильность (24%);
4. Строгая законность (20%);
5. Выборность всех высших государственных руководителей (18%);
6. Возможность для каждого делать все, что он хочет (10%).

Остальные варианты были выбраны менее чем в 10% случаев. Из приведенных цифр следует, что почти половина россиян рассматривают демократию как средство выражения позиций и интересов. При этом подход к демократии как к средству легитимной смены власти характерен лишь для каждого пятого россиянина. Стоит отметить подмену в сознании россиян демократического государства и государства с развитой экономикой. Демократичность режима определяется, скорее, удовлетворенностью качеством жизни в целом, чем реальными институциональными трансформациями. Единственное, в чем уверены россияне по отношению к демократии – это то, что мы должны иметь свою собственную демократию, отличную от стран Западной Европы или США.

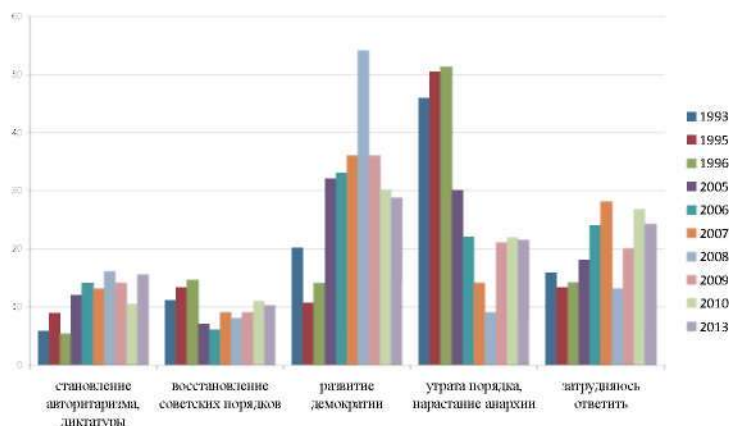
Наблюдаемый в 2008 г. пик «развития демократии» (см. Рис. 2) совпал с периодом наивысшей оценки деятельности президента В. В. Путина. Данный феномен описывал общий подъем удовлетворенности положением дел в стране и политикой руководства, при этом к сегодняшнему дню наметился спад. По мнению россиян, демократия – это «свобода от», причем, учитывая устойчивое игнорирование и политическую отрешенность, можно говорить, что, прежде всего подразумевается

⁶ В данном контексте «тефлоновое» свойство обозначает способность сохранять положительный имидж, несмотря на негативное воздействие среды.

⁷ Общественное мнение – 2012. Ежегодник. – М: Левада-Центр, 2012. С. 26.

экономическая независимость. Посягательства на политические права не так беспокоят россиян, как отсутствие благополучия и стабильности. Можно ли говорить о понимании демократии как о пути освобождения от чрезмерного влияния государства? Скорее всего, нет. Россияне видят в ней возможность переложить ответственность за собственные неудачи на государство.

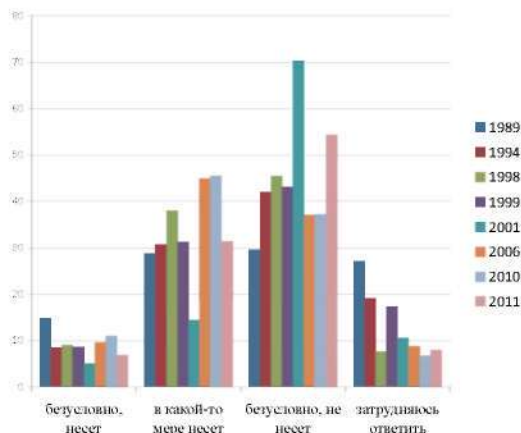
Рис. 2. Какое из утверждений наиболее точно описывает ситуацию в стране? (данные приведены в % от числа опрошенных респондентов)

Примечание автора: N=1600

Одним из самых существенных показателей отношения к власти является представление об ответственности человека за ее действия (см. рис. 3).

Рис. 3. Несет ли человек моральную ответственность за действия своего правительства? (данные приведены в % от числа опрошенных респондентов)

Примечание автора: 1989г., 1998г., 2008г. N=1500; 1994г., N=3000; 2001г., 2006г., 2010-2011г.; N=1600.

Люди не ощущают власть как что-то, принадлежащее им. Россияне становятся все более апатичными по отношению к политике в целом. Появившийся в начале 2000-х годов лидер был воспринят скорее как избавление от забот, сила, на которую можно было полностью переложить управление страной. В преддверии рокировки в тандеме чувство предопределенности и отстраненности еще больше подавило желание участвовать в политике.

КОНСЕРВАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Мы видим, как после перестройки, распада СССР произошли колоссальные изменения в отношении к власти. Более того, эти изменения приобрели противоположный тем процессам, которые происходили в обществе во время существования СССР, тренд. В Советском Союзе культивировалось особое эмоциональное отношение народа к элементам власти, «родной партии». Однако начиная с 90-х годов наметился разрыв с властными институтами, достигший кульминации к концу 90-х – началу 2000-х, когда руководство страны фактически развернуло ход общественного развития по направлению к восстановлению советской, имперской идентичности. Интересно рассмотреть вопрос о причинах этой политики изоляционизма. Можно с уверенностью говорить о том, что в результате смены политической системы после распада СССР партийная номенклатура сохранила решающее влияние, хотя и не сохранив институциональной целостности. При этом ее задача состояла в том, чтобы обеспечить переход системы в другое государство, не разрушая структуру и основание самой политической элиты. Все это потребовало создание централизованного государственного аппарата в оболочке электоральной демократии. Действительно, несмотря на совершаемые от выборов к выборам манипуляции, текущий политический режим имеет прочную поддержку среди консервативных масс. В период с 1999 по 2008 гг. в экономике страны наблюдались высокие темпы роста, вызванные увеличением цены на экспортируемые страной полезные ископаемые, последовавший за этим рост экономического благосостояния населения страны. Информационная политика государства, осуществляемая телевидением, печатными СМИ, строилась (и строится) вокруг одного человека, четко проводя границу между президентом, с именем которого связывали достижения и успехи страны, и остальными чиновниками и политиками. В итоге к концу второго президентского срока В. В. Путин имел значительную поддержку и кредит доверия. К моменту окончания второго президентского срока В. В. Путин подошел с самыми позитивными рейтингами за всю историю своего правления. За все предыдущие годы правления В. В. Путин смог накопить серьезный потенциал доверия, основанный на социально-экономическом благополучии наиболее адаптировавшихся групп граждан (см. Таблица 1).

Таблица 1. Как Вы думаете, почему многие люди доверяют В. Путину?⁸
(данные приведены в % от числа опрошенных респондентов)

Варианты ответов	2001	2003	2006	2007	2012	2013
люди убедились, что Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны	14	15	25	33	15	14
люди надеются, что Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны	43	46	32	30	41	36
люди не видят, на кого другого они еще могли бы положиться	34	34	38	33	35	42
затрудняюсь ответить	9	5	5	3	9	8

Примечание автора: N=1600

Но самое важное и заметное изменение – реконструкция в коллективном сознании образа власти как предельно близкой общественной структуры. По мнению Ю. А. Левады, стереотип «своей власти» в период существования СССР держался на безальтернативности властной системы внутри страны и закрытости общества снаружи. Демонтаж тоталитарной политической системы привел к размыванию установок людей по отношению к политико-бюрократической машине. Неспособность политической элиты 90-х быстро и эффективно решить возникшие социальные проблемы породил спрос на недавнее «советское» прошлое. Современная российская элита, используя средства массовой культуры и инструменты идеологического воздействия, продолжает опираться на советское прошлое как на ядро идентификации населения России. При этом активно эксплуатируются и артефакты дореволюционного прошлого. Кризис групповой самоидентификации, сопровождавший весь процесс распада СССР и становления новой России, оставил не так много «осей», вокруг которых возможна консолидация народов России: этнический и религиозный. И если этнонациональная идентификация вышла из-под контроля государства, о чем говорят последние события в Бирюлево, то объединение на религиозной основе стало элементом государственной политики наряду с реставрацией образов Л. И. Брежнева и Н. С. Хрущева.

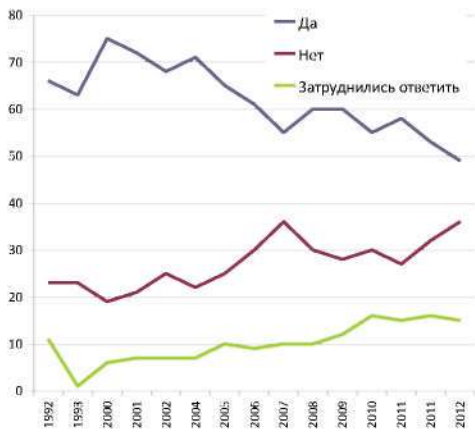
Происходящие постепенные изменения в общественном сознании связаны, прежде всего, с выбыванием той возрастной группы, которая застала расцвет советской политической системы.

При анализе данных становится очевидно, что представители всех возрастных групп, кроме людей пенсионного возраста, стали меньше сожалеть о распаде СССР (см. Рис. 4 и Таблица 2). При этом самые ощутимые изменения произошли среди молодежи и респондентов среднего возраста. Интересно, что если мы сравним мнения тех, кому сейчас от 40 до 54 лет (то есть в 1993 г. им было 20-30 лет), с

⁸ Гончаров С. В. Путин в общественном мнении: до и после политической рокировки // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/15-10-2013/putin-v-obshchestvennom-mnenii-do-i-posle-politicheskoi-rokirovki> (дата обращения: 4.12.2013).

ответами их ровесников согласно опросу, проведенному Левада-Центром в 1993 г., то обнаружим, что их оценки стали более реакционными примерно на 10 процентных пунктов. Это опять же может быть связано с тем, что их ожидания от политических и экономических реформ не оправдались, а также с реставрацией идеи державности, характерной для советского мышления.

Рис. 4. Сожалеете ли Вы сейчас о распаде Советского Союза в 1991 году?⁹
(данные приведены в % от числа опрошенных респондентов)

Примечание автора: N=1600

Таблица 2. Сожалеете ли вы о распаде СССР?
(данные приведены в % от числа опрошенных респондентов)

2012					
		Возраст			
	Всего	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше
да	49	12	30	58	75
нет	36	53	51	33	17
затрудняюсь ответить	15	35	19	9	8
1993					
		Возраст			
	Всего	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше
да	63	41	60	67	79
нет	23	36	27	21	9
затрудняюсь ответить	14	22	13	12	12

⁹ Общественное мнение – 2012. Ежегодник. – М: Левада-Центр, 2012. С. 216.

Следующий вопрос, который нужно разобрать – это степень политического участия и готовность россиян к действию. По данным исследований видно, что на протяжении нескольких лет не меняется структура ответов на вопрос о том, как россияне могут добиться решения своих проблем. Единственное заметное изменение – снижение уровня «надежды» на помощь судебных органов (41% в 2010 г. и 33% в 2013 г.) и неготовность подавляющего большинства населения участвовать в деятельности общественных организаций (5–7% с 2010 г. по 2013 г.). Участие в митингах как средство решения своих проблем в 2013 году рассматривают 16% населения, что также говорит о маргинальности данного социального явления.

УСТОИ ПОРЯДКА В СТРАНЕ: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Мы до сих пор не выяснили, есть ли основание считать российское общество готовым, достаточно зрелым для того, чтобы перейти от электоральной демократии к демократии в том смысле, который ей придавал Р. Даль?

Россияне полагают, что власть **должна держаться** на соблюдении Конституции (55%), поддержке избирателей (32%), подконтрольности обществу и строгом соблюдении законов (30%), а **на самом деле держится** на коррумпированности чиновников (37%), поддержке избирателей (24%), государственной машине (24%), неподконтрольности обществу (24%). Здесь приведены варианты ответов, которые получили наибольшую поддержку. Стоит отметить резкий разрыв между тем, как россияне видят окружающую действительность и тем, что они представляют себе в идеале. Признание ценности Конституции и необходимости поддержки власти со стороны граждан являются, бесспорно мерилем определенной политической грамотности. И то, что ряд этих пожеланий не выполняется, безусловно, не является чем-то новым. Но даст ли это нам право говорить о растущей потребности граждан в увеличении своей политической роли или же речь идет о декларативном недовольстве?

Таблица 3. В чем сейчас больше нуждается Россия: в укреплении власти или в том, чтобы власть была поставлена под контроль общества?¹⁰

(данные приведены в % от числа опрошенных респондентов)

	2001	2006	2010	2011	2011	2012	2012	2012
В укреплении власти	37	43	39	39	31	42	40	35
В том, чтобы власть была поставлена под контроль общества	54	42	51	48	60	42	48	55
Затруднились ответить	9	16	10	13	9	17	13	11

Примечание автора: N=1600

¹⁰ Общественное мнение – 2012. Ежегодник. – М: Левада-Центр, 2012. С. 38.

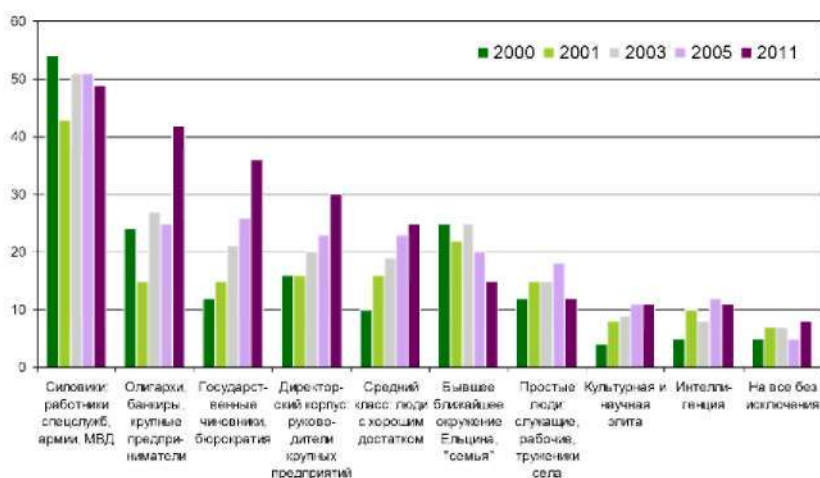
Данные таблицы 3 наглядно демонстрируют, что фактически серьезных изменений в представлении взаимоотношений граждан и власти не произошло. Всплеск протестной активности в конце 2011 года вызывал некий ажиотаж вокруг возможных перемен, и они в тот момент казались реальностью. Но выяснилось, что на Триумфальную площадь вышло лишь мобилизованное меньшинство, которая, следуя теории Э. Ноэль-Нойман о «спирали умолчания», лишь ввела определенный общественно-политический дискурс в массовое сознание, но явно не обладала ресурсами для его закрепления. Протестная активность молодых быстро затихла, не подкрепляемая внешними факторами и общим спадом оппозиционного настроения. Ядро протестного движения представляет собой довольно небольшой круг людей, готовых систематически отстаивать свои политические убеждения. При этом, исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод о нарастании апатии и абсентизма среди граждан зрелого возраста. Одной из причин высокой поддержки политика молодежью можно считать конформизм по отношению к текущей власти: нейтральное отношение к политике и престиж карьеры, связанной с государственными структурами.

ОПОРА РЕЖИМА

Выше я уже говорил о партикуляризации политической элиты, но теперь коснемся этой темы подробнее. На представленной диаграмме видно, что наши сограждане уверены, что основу режима составляют силовики, крупные предприниматели и бюрократия. И если силовики еще с советских времен пользуются доверием у населения страны, и опора на них оправдана необходимостью противостоять внутренним и внешним врагам, то появление в фундаменте режима таких сил как финансовая и бюрократическая элита, несомненно, является отрицательной характеристикой власти. Опрошенные респонденты называют, прежде всего, те слои, которым удалось лучше всего адаптироваться к существующей реальности, тех, кто в общественном понимании противостоит обычным, простым людям: в 2013 г. только 10% респондентов верили, что В. В. Путин выражает интересы рабочих и простых служащих.

Можно сделать еще один вывод из этих данных. Чеченские войны, внутренняя угроза распаду России на определенном этапе, а также явно очерченный круг вероятных внешних противников страны сформировал у населения четко выраженный комплекс «осажденной крепости». Такой исторический нарратив легитимировал защитную реакцию государства, чрезмерную централизацию управленческих функций, а также существенное ослабление других ветвей власти, кроме исполнительной. При этом «надзирающая и наказывающая» власть в руках силовиков конвертировалась во власть экономическую, спровоцировав некоторый раскол элит, о котором впервые заговорили перед третьим сроком В. В. Путина. И, несмотря на достаточно слабую вовлеченность в политическую сферу, наши соотечественники почувствовали этот возникающий баланс сил, который, впрочем, не перешел в стадию институционализации (см. Рис. 5).

Рис. 5. На какие слои населения опирается, на Ваш взгляд, Владимир Путин?¹¹
(данные приведены в % от числа опрошенных респондентов)

Примечание автора: N=1600

Большинство сограждан не видят разницу и конфликт внутри властной верхушки. Для них гораздо важнее и актуальнее противопоставление опоры на окружение и опоры «на народ».

В обществе не ощущается осознанной и значимой потребности в формировании демократических институтов. Сращение государства и общества беспокоит людей куда меньше, чем развитие экономики и социального обеспечения. Хочется отметить, что современному «человеку российскому» приходится существовать в среде «человека советского». Протестные настроения в обществе довольно низки 82% не готовы выйти на демонстрации протеста. Можно сказать, что довольство, в тех сферах, где оно есть, носит ненаправленный характер. Институтам власти выгодно поддерживать определенную политическую апатию в обществе, этот механизм защиты от гражданского участия лишает альтернативы, и, следовательно, снижается интерес к политике.

Очень остро стоит проблема консервации элиты, ее герметичной изоляции и автономизации от происходящих в обществе процессов. «Основные институты, – структуры власти, армия, суды, прокуратуры, политическая полиция, системы образования и пр. – сохранились или очень мало изменились по своей принципиальной организации и функциям. А главное – осталась практически неизменной сама их организация или конституция, устройство», – пишет Ю. А. Левада¹². Продол-

¹¹ Из материалов выступления Л.Д. Гудкова на Валдайском форуме, проходившем в г. Валдай в сентябре 2013г.

¹² Левада Ю. А. Феномен власти в общественном сознании: парадоксы и стереотипы восприятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М.: Аспект-Пресс, 1998. №5. С. 9–15.

жающийся спад доверия к президенту на фоне партикуляризации властных элит также ведет к снижению интереса к политике и безразличию, дающему санкцию на воплощение реакционной политики. Исчезновение политики как реальной борьбы за власть, становление «зрительской демократии»¹³, когда участие подменяется наблюдением, дискредитировали существующую систему отношений власти и общества, однако политически «стерильное» общество не может найти способ артикуляции собственных интересов. При этом единственным средством канализирования общественного мнения являются стихийные массовые протесты наподобие того, который произошел в Бирюлево 12–13 октября 2013 года.

Примечания:

1. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. «Посттоталитарный Синдром: «управляемая Демократия» и Апатия Масс» // Пути российского посткоммунизма: Очерки / под ред. М. Липман, А. Рябов. - М.: Московский центр Карнеги, 2007. С. 8–64;
2. Арон Р. «Избранное: Введение в философию истории». М.-СПБ, 2000. С. 83;
3. Общественное мнение – 2012. Ежегодник. – М.: Левада-Центр, 2012. 232 с.
4. Интервью с А.Г. Левинсоном «Почитаемые лица» / ИА «Версия-Саратов». [Электронный ресурс]. URL: <http://nversia.ru/article/view/id/1483> (дата обращения: 17.11.2013);
5. Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады <http://www.levada.ru/>
6. Левада Ю. А. «Феномен власти в общественном сознании: парадоксы и стереотипы восприятия» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М.: Аспект-Пресс, 1998. №5. С. 9-15.
7. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М.: Левада-Центр, 2001. №2. С. 31-45.

¹³ Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М.: Левада-Центр, 2001. №2. С. 31–45.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕЛЕМЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: БОРЬБА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Гранатова Ю.В.

Распад СССР спровоцировал бесконечную борьбу за различные интерпретации политической идентичности россиян в современной России. Борьба эта происходит посредством социальных коммуникаций, среди которых один из важнейших каналов – это телекоммуникации, особенно такой их жанр, как новости. В данной статье автор реконструирует идентификационное пространство мы – они предлагаемое российскими телеканалами с различными политическими позициями: Россия 1, Рен-тв и Дождь, и определяет, по каким компонентам идентификационной матрицы российские телеканалы демонстрируют согласие, а по каким ведутся споры.

Ключевые слова: *идентичность, телемедийное пространство, макрополитическая идентичность, телеканалы, Россия 1, Рен-тв, Дождь, Россия.*

Collapse and subsequent dissolution of the Soviet Union provoked endless struggle for a different interpretation of the political identity of Russians in Russia. This struggle takes place through social communications, including one of the most important channels - telecommunications, especially their genre such as news. In this article, the author reconstructs the identification space we - they offered by Russian TV channels with different political positions: Russia 1, Ren-TV and Rain, and will define who shares a common meaning, who take the opposite sides, and what points are the most disputed.

Keywords: *identity, telemedia space, macropolicy identity, TV channels, Russia 1, Ren -TV, Rain, Russia.*

Распад Советского Союза повлек за собой и проблемы в политической идентификации граждан стран бывшего социалистического лагеря. Новые политические режимы в этих странах, в том числе и в России, стремятся найти и навязать новые политические идентичности, которые легитимировали бы их порядок. Этот процесс происходит не только в условиях значительной неопределенности по поводу образа России внутри сообщества, но и в условиях все более теряющей свое значение национальной идентичности в глобальном мире. В результате индивид не может с уверенностью определить свое место в социальном и политическом пространстве, поэтому идентичность становится инструментом его социальной ориентации. Процесс идентификации позволяет индивиду построить свой собственный образ и образов тех групп, с которыми он себя соотносит и которым себя противопоставляет. Появление новых и сохранение прежних групповых идентичностей приводит к «неясности оснований, по которым структурируется социальное пространство»¹, поэтому выбор «своих» и «не своих» групп становится постоянным процессом. Все это усиливает и актуализирует борьбу за различные интерпретации политической идентичности россиян в современной России. Борьба эта происхо-

¹ Климова С. Г. Возможности методики неоконченных предложений для изучения социальной идентификации // Социальная идентификация личности. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. С. 69–83.

дит посредством социальных коммуникаций, среди которых один из важнейших каналов – это телекоммуникации, особенно такой их жанр, как новости.

Новостные телепередачи играют большую роль в получении современным человеком представлений об окружающем мире. Зачастую именно благодаря новостям зритель получает информацию о событиях в других странах, осмысливает положение собственного государства в международной системе отношений. Новости скрепляют единство современного общества и легитимируют сложившийся в нем образ мира. Новости, прежде всего телевизионные, являются, по мнению Дьяковой Е.Г. и Трахтенберг А.Д., анализирующих основные теоретические подходы к массовой коммуникации и проблеме конструирования реальности, той оболочкой, в которой медиа-реальность наиболее успешно сливается с подлинной реальностью. Другие медиа-жанры воспринимаются как в той или иной мере нереальные, выдуманные, в то время как новости – это то, что было «на самом деле», высшая форма медиа-реальности². Ограниченная возможность проверки телезрителем поступающих сведений создает широкое поле для конструирования связанной картины мира, определяющей макрополитическую идентичность смотрящего. Политики идентичности разных телеканалов могут отличаться друг от друга. Различный подбор сюжетов, комментарии ведущих и журналистов, интервью с участниками событий формируют особый взгляд на место государства в мире.

Макрополитическая идентичность, как и любой другой вид идентичности, основывается на идентификационной матрице. Телеканалы, как акторы, стремящиеся сконструировать свой вариант идентичности, придают значение разным её компонентам. Чем более далеки друг от друга политические позиции телеканалов, тем более, вероятно, должны быть различны их интерпретации российской политической идентичности. Тем не менее, российские телеканалы работают с одной и той же реальностью, а, значит, и с одними и теми же компонентами идентификационной матрицы. Возникает вопрос, по каким параметрам российской политической идентичности в телемедийном пространстве существует консенсус, а по каким продолжаются дискуссии?

Проведенный нами анализ литературы показывает, что темы российской политической идентичности и массовой коммуникации являются достаточно разработанными как в отечественной, так и в зарубежной традиции. Вместе с тем, работы, посвященные российской политической идентичности в телемедийном пространстве, на данный момент отсутствуют, что связано с одной стороны со сложностью выделения различных компонентов идентичности из телетекста, с другой стороны с тем, что исследование телемедийного пространства в России только набирает обороты.

Таким образом, цель исследования: реконструировать идентификационное пространство мы – они предлагаемое российскими телеканалами с различными политическими позициями, определить, по каким компонентам идентификационной матрицы российские телеканалы демонстрируют согласие, а по каким ведутся споры.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

² Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999.

1. Выявить основные компоненты российской идентификационной матрицы, представленные в телемедийном пространстве;
2. Шкалировать элементы российской политической идентичности, предлагаемые телеканалами во внутреннем и внешнем измерении;
3. Провести сравнительный анализ политик идентичности российских телеканалов с различными политическими позициями;
4. Охарактеризовать воздействие политической позиции телеканала на стратегии конструирования политической идентичности.

В качестве методологии исследования используется социальный конструктивизм, предоставляющий широкие возможности для анализа политических мифов, образов, смыслов и значений. Питер Бергер и Томас Лукман отмечают, что «социальный порядок - это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он создается человеком в процессе постоянной экстернализации. Социальный порядок в своих эмпирических проявлениях не является биологически данным или происходящим из каких-либо биологических данных... Социальный порядок не является частью «природы вещей» и не возникает по «законам природы». Он существует лишь как продукт человеческой деятельности»³. Таким образом, социальный конструктивизм предполагает, что смыслы конструируются самими индивидами в процессе коммуникации: «люди *вместе* создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социо-культурных и психологических образований»⁴.

Те, кто занимает маргинальное положение в существующей иерархии, могут поднять свой статус, лишь сломав старые и навязав новые представления о социальной реальности, поэтому, как отмечал П. Бурдьё, «собственно политическое действие... призвано произвести и навязать представления (ментальные, словесные, графические или театральные) о социальном мире, которые были бы способны воздействовать на этот мир, воздействуя на представление о нем у агентов. Или, если быть более точным, сформировать и переформировать группы... производя, воспроизводя или разрушив представления, которые делают эти группы видимыми для них самих и для других... Политическая работа... предполагает конструирование классифицирующего основания, которое способно произвести совокупность отличительных черт, свойственных всем членам этой группы, и одновременно аннулировать совокупность незначимых черт, которыми в ином качестве обладают некоторые или все ее члены (например, национальностью, возрастом или полом) и которые могли бы служить основой для альтернативных конструкций»⁵.

Идентичность в социально-конструктивистской теоретической рамке понимается как «само-ощущение, само-понимание (I-ness) «через» интернализованное индивидом коллективное осмысление социальной реальности»⁶. Идентичность -

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

⁴ Там же.

⁵ Бурдьё П. Описывать и предписывать: заметка об условиях возможности и границах политической действительности // Логос. 2003. № 4–5. С. 33, 36.

⁶ Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. И.В. Панова, К.А. Судимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. (Политология России).

не «что-то данное (taken-for-granted), а то, что воспроизводится в социальных взаимодействиях постольку, поскольку индивиды осмысливают их под углом зрения соответствующей социальной группы... атрибут «политическая» [не] может быть заблаговременно «присвоен» какой-то одной или нескольким идентичностям. Скорее мы склонны полагать, что *политическое значение могут приобретать различные компоненты идентификационной матрицы*. Таким образом, *борьба за идентичность состоит в соперничестве акторов, которые акцентируют разные значения и смыслы, стремясь при этом к их универсализации*»⁷. Для обозначения российской политической идентичности мы будем пользоваться понятием макрополитическая идентичность, предложенным О.Ю. Малиновой в качестве инструмента анализа процессов идентификации и самоидентификации в современных обществах, где сосуществуют, конкурируя и сопрягаясь, разные типы сообществ, имеющих устойчивую политическую значимость. «Макрополитическая идентичность — это аналитическая категория, указывающая на всю совокупность различных способов идентификации с сообществом, которое ассоциируется с современным государством»⁸.

Основоположник символического интеракционизма Дж. Мид считал, что «Индивид познает себя как такового не непосредственно, а лишь косвенно, с отдельных частных точек зрения других членов его группы или с обобщенной точки зрения социальной группы, к которой он принадлежит»⁹. Мид рассматривал идентификацию как результат социального взаимодействия, в котором важную роль играют «обобщенные другие» и «значимые другие». Эта идея позднее получила развитие в теории референтных групп, разработанной в трудах Г. Хаймана¹⁰, Т. Ньюкома, М. Шерифа¹¹, Г. Келли, Р. Мертон¹² и др. Р. Мертон выделяет позитивный и негативный тип референтной группы, что имеет аналитическую значимость для нашего исследования. «Позитивный тип включает в себя мотивированную ассимиляцию групповых норм или стандартов в качестве базиса для самооценки; негативный тип включает в себя мотивированный отказ, то есть не только неприятие норм, но и выработку контрнорм»¹³. Таким образом, процесс идентификации неразрывно связан с определением «Мы» и «Они», где граница прокладывается через классифицирующее основание, позволяющее отличить своих от чужих. Именно за определение границы и наполнение смыслом понятий «Мы» и «Они» и ведется борьба между акторами в символическом пространстве.

⁷ Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. (Политология России).

⁸ Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

⁹ Мид Дж. Сознание, самость и общество // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: МГУ, 1994.

¹⁰ Hyman H. The psychology of status. N.Y.: Columbia University, 1942.

¹¹ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002.

¹² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

¹³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура.

Борьба за идентичность протекает посредством социальных коммуникаций, которые объединяются в медиапространство страны. Понятие медиапространства, используемое отечественными социологами по большей части для обозначения системы СМИ (национальной, региональной, местной) или медийной картины мира (как совокупности медиатекстов) является пока слабо разработанным. Выделяется три измерения в понятии медиапространства:

1. Медиированное пространство – это «переданное», то есть репрезентированное посредством медиа пространство – как физическое, так и социальное. В этом случае мы имеем дело с медиаобразами и медиатекстами как результатом медийного «картографирования» реальности. Массмедиа не просто отображают пространства и места. Они приписывают им определенные значения и смыслы, побуждая аудиторию воспринимать эти места особым образом.

2. Медиатизированное пространство – любой тип социального пространства, предполагающий использование технических средств связи в коммуникативных практиках агентов, действующих в его пределах. То есть это среда распространения медийных технологий, меняющих природу и конфигурацию самих этих пространств. Именно в этом смысле можно говорить, например, о медиатизации публичного и частного пространства: медиатизации политики, религии, работы, отдыха и т.п.

3. Медийное пространство – это материальное пространство информационно-коммуникативных сетей и потоков. Если медиированное пространство соотносится с контентом, медиатизированное – со средой его распространения и потребления, то медийному пространству соответствуют каналы передачи информации, то есть сами медиа и система их взаимосвязей¹⁴.

Под телемедийным пространством мы понимаем разновидность медийного, представленного телеканалами. Это пространство неоднородно, оно разделяется на поля, каждое из которых характеризуется ограниченным набором акторов и своей иерархией смыслов. Борьба идет не только внутри полей за установление универсальных смыслов, но и между полями за доминирование и влияние. Телемедийное пространство представлено акторами трех типов: проправительственными, оппозиционными и независимыми. Позиция телеканала в политическом пространстве определяется по отношению к актуальному политическому курсу, проводимому правительством Российской Федерации, самопозиционированием телеканала, оценкой его деятельности общественностью и экспертами. В телемедийном пространстве существуют разные интерпретации российской политической идентичности.

Методы. Чтобы определить, какими стратегиями пользуются телеканалы в попытке сформировать определенную картину мира у своих телезрителей, мы провели сравнительный анализ итоговых еженедельных новостных передач на трех

¹⁴ Ним Е.Г. Методология социологического анализа медиапространства. Алтайский государственный университет [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=9&ved=0CGMQIjAI&url=http%3A%2F%2Frus.jl.spbu.ru%2Fupload%2Ffiles%2Ffile_1330630710_6698.doc&ei=1A1RUM-mK7ON4gTPkYCYBg&usq=AFQjCNFbs0dhpYLR65_a7zXdcdA4kwUB3kw&sig2=Oi5YulI15tNu-ReqlK2Eng&bvm=bv.1355534169,d.bGE&cad=rja (дата обращения 19.12.12).

российских телеканалах: «Россия 1», «Дождь» и «Рен-тв». Эти три телеканала наиболее близки к позициям проправительственного, оппозиционного и независимого источника вещания, что особенно ярко проявилось в контексте протестного движения 2011 – 2012 годов. Соответственно, для контент-анализа нами были выбраны декабрь 2011 года, охватывающий период первых протестных митингов, связанных с выборами в Государственную Думу Российской Федерации 4 декабря 2011, и декабрь 2012 года, когда многими СМИ подводились итоги «протестного года».

Главным методом исследования стал контент-анализ видеоматериалов. Он использовался для выявления основных компонентов российской идентификационной матрицы, представленных в телемедийном пространстве.

Российская политическая идентичность проявляет себя в двух измерениях: «внутреннем» и «внешнем», отражающих представления акторов о том, кто есть «мы», а кто «они».

Во внешнем измерении поиск производился по следующим категориям:

Страны

Международные организации

Иные участники международных отношений

Единицами счета стали отдельные сюжеты, репортажи о событиях в той или иной стране и сюжеты с упоминанием одного из акторов международных отношений. На следующем этапе анализа каждый сюжет оценивался с точки зрения репрезентации государств по отношению к России. Здесь мы построили шкалу возможных значений, отражающую степень позитивности или же негативности формируемого образа:

Враг – актер международных отношений, чья деятельность оценивается негативно и воспринимается как прямая угроза государству;

Иной – актер международных отношений, чья деятельность оценивается негативно;

Нормальное государство – актер международных отношений, чья деятельность оценивается позитивно;

Партнер – актер международных отношений, являющийся актуальным или потенциальным партнером по экономическим или политическим проектам.

Во внутреннем измерении единицей поиска стала тема «Классифицирующее основание», включающее в себя признаки и атрибуты, позволяющие отличать «нас» от «других». Так как мы исходим из того, что в качестве классифицирующего основания акторы могут политизировать любой классифицирующий признак, мы, на втором этапе контент-анализа, выявили несколько основных вариантов различных признаков, включающих в себя множественные варианты определений российской общности, артикулируемых ведущими новостных программ, корреспондентами телеканалов или участниками и комментаторами событий. Мы объединили их в следующие смысловые блоки:

Язык и культура – этот смысловой блок объединяет сюжеты, в которых русский язык и культура выступают в качестве основания для определения своих и чужих.

Вера – в этот смысловой блок включены сюжеты, в которых обсуждается, должна ли религия быть составляющей частью российской идентичности.

Этничность – в этот смысловой блок включены сюжеты, в которых используется название того или иного этнонима, чтобы определить, есть ли за этим действительно этническая составляющая, а также сюжеты, в которых анализируются отношения различных этнических групп на территории страны.

Особенности национального характера – в этом смысловом блоке объединены сюжеты, демонстрирующие выдающиеся личные качества того или иного представителя России или подчеркивающие характерные черты национального характера

Патриотизм – в этом смысловом блоке представлены сюжеты, в которых демонстрируются примеры высокой преданности государству, а также сюжеты и репортажи, в которых непосредственно используется само слово «патриотизм» и его словоформы.

Гражданские качества – этот смысловой блок представлен сюжетами, в которых демонстрируется активная общественная деятельность тех или иных акторов, а также сюжеты, в которых анализируются взаимоотношения гражданского общества и государства.

Социальные практики – в этом смысловом блоке объединены сюжеты, в которых подмечаются те или иные устойчивые практики взаимодействия в обществе, представленные в качестве отличительных черт российской идентичности.

Различные смысловые блоки в разном объеме используются телеканалами «Россия 1», «Дождь» и «Рен-тв». Единицами счета стали отдельные сюжеты и репортажи, посвященные одной из этих тем или затрагивающие эти темы через другие новости.

Эмпирическая база. Эмпирической базой исследования стала широкая подборка видеоматериалов телеканалов «Россия 1», «Дождь» и «Рен-тв» за декабрь 2011 и декабрь 2012 годов. В качестве источника использовались еженедельные итоговые новостные программы телеканалов:

1. Выпуски программы «Вести недели», на телеканале «Россия 1» за декабрь 2011 и декабрь 2012 года. 102 сюжета, 46 за декабрь 2011 года и 56 за декабрь 2012.

2. Выпуски программы «Неделя с Марианной Максимовской» за декабрь 2011 и декабрь 2012 года. 82 сюжета, 43 за декабрь 2011 года, 39 за декабрь 2012.

3. Выпуски программы «Дзядко 3» на телеканале «Дождь» за декабрь 2011. И программы «И так далее с Михаилом Фишманом» за декабрь 2012. 62 сюжета, 28 за декабрь 2011 года, 34 за декабрь 2012.

В исследовании анализировалась вся генеральная совокупность сюжетов, составившая в сумме объем шести месяцев эфирного времени телеканалов (246 сюжетов и репортажей).

Проведенное нами исследование политик идентичности трех телеканалов позволяет реконструировать идентификационное пространство мы – они предлагаемое российскими телеканалами с различными политическими позициями, и определить, по каким компонентам идентификационной матрицы российские телеканалы демонстрируют согласие, а по каким продолжают вести споры.

Телеканалы «Россия 1», «Дождь» и «Рен-тв» демонстрируют солидарность в отражении многих аспектов актуальной российской политической идентичности. Все три телеканала сходятся во мнении, что вера является значимым элементом в

процессе идентификации россиян. Тем не менее, оценки этого факта на телеканалах совершенно противоположные. Телеканал «Россия 1» видит в православии источник «духовных скреп» для России, объединяющий фактор, который позволил бы снизить конфликтный потенциал в обществе. Телеканалы «Дождь» и «Рен-тв» видят в политизации православия опасность, которая ведет к расколу российского общества.

Телеканалы «Россия 1» и «Рен-тв» отмечают, что в обществе существует еще один популярный вариант классифицирующего основания для российской политической идентичности – это принцип этничности. Тем не менее, ни один из телеканалов не предлагает его в таком качестве. Телеканал «Россия 1» использует слова «русский» и «русскость» в качестве пустого означающего, синонима слов «россиянин» и «российский». «Россия 1» наполняет этнонимы культурным содержанием, предлагая в качестве правил входа в сообщество русских знание русской культуры и русского языка. Телеканал «Рен-тв» подчеркивает деструктивность политизированной этничности и говорит о том, что от неё нужно отказаться в публичном употреблении.

Телеканалы «Рен-тв» и «Дождь» сходятся в понимании того, чего не достает российской политической идентичности. С точки зрения двух телеканалов, это активная гражданская позиция россиян. Телеканал «Россия 1» почти не упоминает гражданские качества, взамен предлагая в качестве классифицирующих оснований патриотизм и такие особенности национального характера как аскетизм, чувство гордости и справедливости.

Объединяет три телеканала и определение «Запада» и «США» в качестве главного значимого иного для России, представляющего образ врага. Хотя телеканалы «Рен-тв» и «Дождь» отмечают, что это неверная символическая политика и ни США, ни Запада врагами России не являются. По разным основаниям выделяют телеканалы партнеров России. Для «России 1» это Китай и «жертвы» политики Запада: Ливия, Сирия и др. Для «Дождя» это те страны, с которыми Россия больше всего схожа в смысле политической культуры: это страны СНГ. Для «Рен-тв» это страны, которые получают от России помощь: Белоруссия, Южная Осетия, в прошлом Палестина.

Телеканалы «Россия 1», «Дождь» и «Рен-тв» используют разные стратегии для конструирования политической идентичности у своих зрителей. Телеканала «Россия 1» позиционирует Россию как сильную мировую державу, обладающую ядерным потенциалом и значительными ресурсами, противостоящую нарушителям мирового правопорядка – США, защищающую от их произвола маленькие страны. «Россия 1» видит угрозу в западной пропаганде, выставляющей Россию как «пугало» и ставит вопрос о необходимости смягчения международного имиджа России. Телеканал «Дождь» воспринимает Россию как империю, направленную на захват территорий бывшего СССР и внутреннюю колонизацию населения, по крайней мере, так он видит политику современного руководства. Телеканал «Рен-тв» пытается давать международные события без эмоциональной окраски и явной оценки, тогда как внутрироссийские часто получают вполне однозначные комментарии. В результате процессы, происходящие за рубежом, выглядят более адекватно, чем в России. Телеканал «Рен-тв» считает, что Россия по-прежнему живет в стереотипах времен Холодной войны, воспринимая себя сверхдержавой, противостоящей анта-

гонистическим государствам, хотя ситуация давно изменилась, никто не стремится с Россией соперничать. Самой Российской Федерации больше подходит статус «нормального государства», а сверхдержавные амбиции только делают её смешной в глазах международного сообщества.

Мы видим, что телеканалы сходятся в оценке современной российской политической идентичности, как по внутреннему, так и по внешнему измерениям. Тем не менее, значительно отличается на телеканалах видение должного образа России, в чем и отражается влияние политической позиции телеканала.

Проведенный анализ позволяет также выделить некоторые характерные черты «России 1», «Рен-тв» и «Дождя» как каналов коммуникации. Телеканалы «Россия 1», «Дождь» и «Рен-тв» в вопросе конструирования российской политической идентичности выступают не как площадки, где различные акторы могут предлагать и обсуждать свои варианты идентификационных оснований, а как самостоятельные агенты формирования идентичности. Телеканал «Россия 1» ограничил участников дискуссии представителями парламентских партий и людьми из народа, которые выражают в основном точку зрения солидарную с правительственной линией. Единение стало особенно заметным после принятия в США «Акта Магницкого», что подчеркивалось и самим телеканалом. Участниками сюжетов и репортажей телеканала «Дождь» чаще всего становились лидеры протестного движения, в критических речах которых иногда использовались цитаты первых лиц государства, но лишь для иллюстрации собственных суждений. Даже на телеканале «Рен-тв», занимающим независимую политическую позицию в нашей классификации, не наблюдается дискуссии по поводу российской политической идентичности, хотя по другим вопросам телеканал предоставляет слово оппонировавшей стороне. Во многом это может объясняться форматом выбранных нами источников. Новостные телепередачи, особенно итоговые, предполагают скорее выражение особого взгляда телеканала на события в стране и мире, чем многоголосую дискуссию по тому или иному поводу. Тем не менее, даже в репортажах о международных событиях, где представление различных точек зрения могло бы быть уместным, есть только монолог.

Телеканалы «Россия 1», «Дождь» и «Рен-тв» пользуются различными стратегиями для донесения своей точки зрения до телезрителя. Телеканал «Россия 1» использует оценочные суждения и эмоциональные эпитеты, обращаясь часто не к аргументам и фактам, а чувствам своих зрителей. Ведущие телеканала «Россия 1» прямо артикулируют позицию по тому или иному поводу, не оставляя места для альтернативных вариантов оценки событий. Телеканал «Рен-тв» стремится обратить многие серьезные репортажи в шутку, как бы в серьез рассуждая об инопланетянах и пришельцах в окончании многих сюжетов. Шуточный формат снимает серьезность многих высказываний и оценок, позволяя сохранять свою точку зрения. Телеканал «Дождь» в своих сюжетах и репортажах стремится дистанцироваться от происходящего. Особенно это заметно в вопросах российской политической идентичности, «Дождь» конструирует её не как образ «нас», к которому он сам принадлежит, а как образ «иных», от которого нужно отмежеваться.

Примечания:

1. Hyman H. The psychology of status. N.Y.: Columbia University, 1942;

2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002;
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995;
4. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. (Политология России);
5. Бурдье П. Описывать и предписывать: заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4–5. С. 33, 36;
6. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999;
7. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011;
8. Климова С. Г. Возможности методики неоконченных предложений для изучения социальной идентификации // Социальная идентификация личности. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. С. 69–83;
9. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006;
10. Мид Дж. Сознание, самость и общество // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: МГУ, 1994;
11. Ним Е.Г. Методология социологического анализа медиапространства. Алтайский государственный университет [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&csrc=s&source=web&cd=9&ved=0CGMQFjAI&url=http%3A%2F%2Frus.jf.spbu.ru%2Fupload%2Ffiles%2Ffile_1330630710_6698.doc&ei=IALRUM-mK7ON4gTPkYCYBg&usg=AFQjCNFbs0dhpyLR65_a7zXdCdA4kwUBkw&sig2=Oi5YUJH5tNu-ReqeLK2Eng&bvm=bv.1355534169,d.bGE&cad=rja (дата обращения 19.12.12).

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПО ВЫБОРАМ МЭРА МОСКВЫ: СРЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Новикова С.А.

Данная статья посвящена рассмотрению избирательной кампании по выборам мэра Москвы через активность кандидатов в применении механизмов социальных медиа в рамках их избирательных кампаний. Автор проанализировал кампании основных кандидатов, сделав акцент на отражении предвыборной борьбы в микроблоге «Твиттер», но в контексте других социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, избирательная кампания по выборам мэра Москвы 2013, «Твиттер», Вконтакте, Youtube.

This article is dedicated to analysis of Moscow mayoral election campaign through candidates activity in using the social media mechanisms within the framework of their election campaigns. The author analyzed campaigns of the main candidates, accentuating on pre-election agitation in Twitter and in context of other social media.

Keywords: social networks, mayor of Moscow election campaign 2013, Twitter, Vkontakte, Youtube.

Избирательная кампания по выборам мэра Москвы была одной из самых заметных среди проходивших летом-осенью 2013 года. Для нее была характерна федеральная риторика, то есть региональная по своему характеру кампания распространялась за пределы региона на всю страну. Достаточно большая роль в расширении масштаба кампании сыграли онлайн социальные сети, особенно «Твиттер».

От Алексея Навального как публичного политика, получившего большую долю популярность благодаря деятельности в Интернете, ожидалась наиболее масштабная Интернет-кампания, однако акцент был сделан на персональное присутствие и событийный маркетинг – освещение встреч с избирателями, арестов, митингов поддержки. Одним из таких событий были обвинения в незаконном финансировании его избирательной кампании, а затем незаконной агитации раньше срока. Эти события позволяли ему постоянно держаться в топе информационной повестки дня (новостных лентах, социальных сетях).

Второй механизм его кампании – это уже успешно примененный Обамой в 2008 и 2012 годах механизм личных электронных писем в неформальной манере. Избирателям (в основном, это посетители ресурсов Росяма, РосЖКХ, его подписчики в блоге) приходили письма с заголовком «Привет, это Навальный», написанные достаточно разговорным языком, снижающим дистанцию между кандидатом и избирателем. Вообще, штаб Навального успешно заимствовал приемы штаба кандидата в Президенты США. Основой «полевой» части кампании стал волонтерский штаб, так же созданный посредством онлайн-механизмов – молодые люди из разных регионов приглашали друзей поучаствовать в агитации с помощью «кубов» или «агитомобилей» в обмен на возможность побыть в дружеской неформальной компании несколько дней. Был создан сайт АгитируйМоскву, направленный на агитацию в социальных сетях, и ставший центральным элементом, связывающий

различные web-ресурсы¹. Без подобного центрального элемента связать аудитории, которые пользуются различными web-ресурсами как основными достаточно сложно, либо актор (его команда) вынуждены артикулировать свою политическую идентичность по-разному и с разным контентом. Активность избирательных штабов измерялась в плотности контактов (сетевой принцип), на избирательном сайте можно было выбрать форму активности (агитировать в метро, агитировать на кубе, вывесить на балконе баннер, наклеить стикер на автомобиль, пожертвовать средства и т.д.) через заполнение специальной формы заявки, можно было выбрать куб с помощью карты Google (например, на мобильном телефоне) и прийти на него для помощи агитаторам или взять наклейки и сделать свой личный автомобиль «агит-мобилем». Еще один механизм проекта – «Навальный в каждый дом» – пользователь мог найти свой дом на интерактивной карте и отметить, доставлены ли в его дом или подъезд агитматериалы – соответственно запросить их или разнести самому. В процессе роста команды играла роль малая дистанция и простота участия в кампании, без специальных отборов и формальных процедур. Отдельная страница была посвящена формам онлайн-активности – сменить аватар в поддержку кампании, пригласить друзей через социальные сети, переименовать свою Wi-Fi сеть, поделиться агитационным сообщением «Вконтакте» и другие – формы активности не требующие временных и иных затрат (см. Глоссарий – слактивизм).

Сетевые механизмы в кампании применялись таким образом, что территориально она не замыкалась на Москве («Измени Россию, начни с Москвы»), участие могли принимать жители любого региона, что одновременно можно отнести и к слабому месту кампании – большой акцент на федеральную публичную активность. Команда Навального использовала даже механизмы каучсерфинга – популярного сейчас способа путешествий, когда ты пускаешь к себе пожить людей из разных стран мира и сам пользуешься такими же предложениями – через сайт Мовсписка можно было найти, где остановиться в Москве на время участия в агитации.

В крупнейшей российской социальной сети Вконтакте агитация команды Навального велась через тематические сообщества, а не только его аккаунт. Посты в его поддержку можно было встретить в спортивных, кулинарных, музыкальных, юмористических пабликах (публичная страница), интервью и онлайн встречи с кандидатом проводились на ресурсах о рэпе (Rap.ru), на игровых ресурсах (Канобу). Неоднозначную реакцию вызвало появление фотографии Навального на аватаре сообщества МДК – это одно из наиболее читаемых сообществ Вконтакте (3,3 млн пользователей), специализирующееся на черном юморе и злободневных картинках². Активно использовался в ходе кампании видеоканал – на нем выкладывались видеобращения сторонников, видео со встреч.

Хотя общий комплекс сетевых средств кампании Навального был во много позаимствовал с успешных образцов американских избирательных кампаний и пе-

¹ Агитируй Москву [Электронный ресурс]. URL: <http://moskva.navalny.ru/> (дата обращения: 29.08.2013).

² МДК: мы отопили от размещения придураков и поставили на аватар Навального [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/fast/russia/mdk-razmestil-na-svoem-avatare-navalnogo-983525.xhtml> (дата обращения: 02.10.2013).

ренесен на локальную почву, именно общероссийский масштаб был основным минусом – это апелляция к федеральным темам (коррупция), отсутствие работы по слабым местам оппонента – критика власти в целом или отдельных ее фигур, концентрация на возрастной группе 18-35 лет, отсутствие диверсификации кампании (работа по целевым группам – пенсионеры, студенты, маломобильные граждане, родители и т.д.). PR-специалист Дмитрий Никотин отметил, что штаб Навального использовал «электорально неперспективные темы»³, хотя безусловным плюсом и был персональный статус кампании.

Кампания Сергея Собянина не предполагала использования личных аккаунтов в социальных сетях – они отсутствуют, однако была достаточно масштабной. В ней применялся ряд креативных интернет-механизмов – это приложение AddSobyaniin, где можно было с помощью фильтра Собянина изменить фото «старой» Москвы на «новую» – например, покрасить фасады, починить дороги, облагородить дворы и подземные переходы, фото можно было добавить в Instagram и поделиться с друзьями. Еще один проект, который официально не исходил из штаба кандидата, но явно создавался в поддержку – «Мой друг согласен», где пользователи социальных сетей выкладывали фото своих домашних животных с агитацией за Собянина, изначально это был конкурс фотографий Вконтакте, но вскоре у проекта появился аккаунт в Instagram (аудитория – 9 млн). Стоит, однако, отметить, что эти проекты при достаточном масштабе и стоимости не были частью избирательной кампании, выбываясь из нее организационно. Зато его сторонники (Молштаб) достаточно активно наладили внутреннюю коммуникацию в «Твиттере».

Для анализа динамики смыслов артикулированного компонента идентичности, в виде которого выступает хэштег в микроблоге мы выбрали два хэштега, связанные с двумя кандидатами – Алексеем Навальным (#навальный) и Сергеем Собяниным (#собянинашмэр). Безусловно, можно назвать еще ряд тегов, связанных с каждым из них – это #underdog (аутсайдер) и #собянин, #Собянчик, соответственно.

Консолидация вокруг хэштега как лозунга может носить несколько основных мотивов – это собственно идентификация себя с данным лозунгом, что носит некоторые ограничения в силу того, что «Твиттер» в отличие от блога или паблика в социальной сети не позволяет объяснить первосмысл запущенного сообщения или хэштега, то есть пользователи, используя его в дальнейшем дискурсе, могут подразумевать совсем иной смысл, еще один мотив – это мода, зачастую пользователи «Твиттера» стремятся «прикоснуться» к мировым трендам и высказаться с использованием популярного хэштега, второй мотив – это та погрешность, которую нивелировать не представляется возможным.

Данные хэштеги были выбраны, поскольку, во-первых, они дают наиболее крупный массив записей пользователей, и, во-вторых, они изначально создавались в поддержку кандидатов. Хронологические рамки анализа – с 20 июля (не с начала кампании как таковой, в силу того, что в период суда над А.Навальным хэштег шел в паре с упоминаниями о Манежной площади, суде, митинге поддержки, что

³ Никотин Д. Избирательная кампания Навального [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/dmitrynikotin/2013-26464053> (дата обращения: 06.10.2013).

осложняет анализ) по 8 сентября – день окончания предвыборной кампании. В выборку вошло 115 записей с первым хэштегом и 69 записей со вторым, выборка была сплошная, без отбора пользователей по какому-либо качественному признаку, записи брались из топа «Твиттера».

По первому тегу #навальный превалируют нейтральные акцентуации (новости, ссылки на новостные сюжеты, репосты без активного комментирования) всего их 59 процентов от выборки, что касается положительных и нейтральных интерпретаций – их число практически однородно, в силу того, что в число положительных вошла и реклама, связанная с избирательной кампанией кандидата – 23 процента положительных и 17 процентов отрицательных акцентуаций.

Отрицательные интерпретации хэштега сопровождаются следующими оценками – «навальный ты нам не нужен», «навальный – не, не видел», «Навальный – продукт хитроумной социотехнической манипуляции», «Навальный разработал систему отмывания денег», «Навальный участвует в выборах в роли аутсайдера», нередко упоминается и словосочетание «сетевые хомячки», например, «хомяков начинают готовить к митингам после 8 сентября». Сетевые хомячки – это пример того, как изначально негативная идентификация перешла в позитивную и была воспринята сообществом, даже зачастую используясь в качестве самоназвания.

Положительные интерпретации были чуть менее разнообразны, во многом в силу того, что большую часть из них составляли массовые репосты – перепечатки сообщений: кандидата называли «наш навальный», «навальный – мой мэр», «навальный – настоящий либерал», остальные интерпретации строились на основе противопоставления Собянину или власти, режиму вообще, чем на описании его собственной платформы: «навальный снимает жулика собянина с выборов», «дашь падение рейтинга собянина, выбор очевиден», «я не люблю нынешнюю власть, а #Навальный – её враг, поэтому буду голосовать за него», «Режим Покрыл Страну Как Лёд Реку. Весна Неизбежна», «Затем и идти /на выборы/, чтобы отстранить от власти наглецов, которые шикарно живут на наши деньги» и т.д. Деятельностные интерпретации образа кандидата в основном заключаются в том, что все будет не так, как при действующем мэре, власти и т.д., например «голосуй за Навального и такого не будет», эта фраза распространялась не только в Твиттере, но и в Яндекс-Картах, где фиксируется уровень пробок в городе.

Еще одна достаточно распространенная сентенция – «Навальный – кандидат от Интернета», изначально это был заголовок материала с сайта радио «Эхо Москвы», где российские IT-предприниматели и крупные блогеры заявляли об активной поддержке кампании Навального, но словосочетание приобрело большую популярность, даже было выделено в отдельный хэштег, но уже совсем с иным значением.

Никипорец-Токугава использует для характеристики модели политической идентичности, при которой определение «другого» является более артикулированным и более детализованным, нежели определение и агрегирование собственной политической идентичности, термин негативная. Мы характеризуем этот тип идентификации не как негативный, а скорее как диспропорцию в идентификации, кото-

рая характеризуется детальным описанием «других» и «настоящего» и достаточно скудным «мы» и «будущего»⁴.

Второй хэштег – #собяниннашмэр, очень часто использовался в связке с #молштаб, #собянин2013, #велозасобянина и рядом других, то есть большую часть массива записей писали волонтеры и сторонники, участвующие в предвыборной кампании. Среди всей выборки нам попала лишь одна негативная запись с этим хэштегом, что довольно редко для инкубента, участвующего в выборах, незначительным было и число нейтральных, информационных записей – 26 процентов (18 постов). Положительные интерпретации содержали достаточно много от стиля предвыборных лозунгов, в т.ч. основной слоган Сергея Собянина: «Главное – Москва, главные – москвичи», «собянин делает жизнь проще», «Пенсионеры полны сил и энергии и просят предоставления рабочих мест», В этом году моя внучка идет в новый детский сад, Сергей Семёнович всегда с нами», много текстов связано с достижениями, которые приписываются кандидату, опять же полностью отсутствуют модели будущего и пути его достижения, однако здесь наблюдается практически полное отсутствие отсылок к противникам.

Ранее мы отмечали, что разные web-ресурсы в Интернете дают акторам и пользователям разные возможности для артикулирования политической идентичности. Как пишет К.А.Сулимов: «Можно предварительно выстроить концептуальную цепочку в отношении институтов коммуникации: коммуникативные средства (в техническом и технологическом смысле) – коммуникативные практики (социальные взаимодействия с использованием коммуникативных средств) – коллективное осмысление социальной реальности»⁵. Безусловно, третья часть этой цепочки возникает далеко не всегда сам по себе канал – ресурс выступает лишь дополнительным фактором, который дополняет онлайн-коммуникацию.

На исследованном материале можно сделать вывод о том, какие возможности предоставляет акторам «Твиттер». Прежде всего, это группирование компонентов политической идентичности, мемов, различных идей и взглядов (хэштеги), во-вторых, это возможность быстрого распространения этой мобилизационной информации среди разной аудитории, и, наконец, усиление групповой солидаризации – агрегирование компонентов идентичности вокруг тех самых компонентов.

«Твиттер» не выводит людей на улицы, но он позволяет во-первых, артикулировать свою собственную политическую идентичность и агрегировать ее, солидаризуясь с хэштегами, во-вторых, и искать и узнавать. Если бы у нас была возможность исследовать статистику запросов на хэштеги и сравнить ее со взглядами тех, кто этот запрос создавал, мы, полагаем, увидели бы очевидные связи между характером формулирования хэштега или запроса (в случае в российских протестах пользователи с проправительственными взглядами искали бы хэштег - #запутина, с оппозиционными - #путиндолженуйти, #карусель или #чистыепруды, а пользователь, ищущий информацию #выборы или #4марта). Для мобилизации более жизне-

⁴ Сетевая версия прошлого в дебатах о настоящем. Стенограмма дискуссии [Электронный ресурс] URL: <http://www.kemman.ru/index.php/Novosti/Setevaya-versiya-proshlogo-v-debatah-o-nastoyaschem2/Stenogramma> (дата обращения: 01.10.2013).

⁵ Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

способно противопоставление «другим» - Путин, Собянин, Кремль, а не идентификация «себя».

Оппозиционная коммуникация в период протестов в «Твиттере» преобладала, активность проправительственных пользователей была успешной, но реактивной, зато при обсуждении различных тем они демонстрировали более однородную позицию. Однако в Интернете это нельзя воспринимать как положительную характеристику, поскольку плотность связей в сети растет именно за счет «слабых связей», оппозиционные пользователи более многообразны, используют больше хэштегов, проправительственные сконцентрированы на одном или двух, в их среде присутствует централизация и стремление перекрыть тренды «Твиттера».

Примечания:

1. MDK: мы отошли от размещения придурков и поставили на аватар Навального [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/fast/russia/mdk-razmestil-na-svoem-avatare-navalnogo-983525.xhtml> (дата обращения: 02.10.2013);

2. Агитируй Москву [Электронный ресурс]. URL: <http://moskva.navalny.ru/> (дата обращения: 29.08.2013);

3. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012;

4. Никотин Д. Избирательная кампания Навального [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/dmitrynikotin/2013-26464053> (дата обращения: 06.10.2013);

5. Сетевая версия прошлого в дебатах о настоящем. Стенограмма дискуссии [Электронный ресурс] URL: <http://www.kennan.ru/index.php/Novosti/Setevaya-versiya-proshlogo-v-debatah-o-nastoyaschem2/Stenogramma> (дата обращения: 01.10.2013).

ОСОБЕННОСТИ ЛИДЕРСТВА В РАМКАХ ВИРТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ЭФФЕКТ МНИМОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ

Краснопёров А.Ю.

В статье рассматривается феномен лидерства в Интернет-сообществах и его специфика. Отмечаются 4 особенности, сочетание которых может привести к тому, что автор называет «эффект мнимой легитимации». Другими словами, это ситуация, когда лидер пользуется большей поддержкой, чем у него действительно имеется.

Ключевые слова: Интернет, виртуальное сообщество, легитимация, лидер.

In the article discusses the phenomenon of leadership in the Internet-community and its specificity. There are four special features of Internet communication. All together they could lead to what the author calls “the effect of imaginary legitimation”. In other words, this is a situation when the leader enjoys more support than he really has.

Key words: Internet, virtual communities, legitimation, leader.

Феномен лидерства сегодня является достаточно изученным и представлен в интерпретациях различных школ и подходов. Но с появлением новых форм взаимодействия прослеживается некоторая специфика, присущая этим формам. Так, виртуальные политические сообщества в Интернете обладают рядом особенностей, связанных с механизмом выдвижения лидера и его легитимацией. Рассмотрим эти особенности на примере виртуальных политических сообществ, которые попадают под определение совокупности пользователей Интернета, объединенных по какому-либо принципу, и не могущих поддерживать тот же характер и уровень коммуникации вне информационного пространства глобальной сети, а также не образующих вне этого пространства аналогичного объединения.

Первая особенность заключается в том, что механизм выдвижения лидера в виртуальной среде обусловлен зачастую первенством в создании сообщества. В последующем эта роль закрепляется в силу технических причин. В результате лидер становится администратором (имеет доступ к программным элементам управления средой, в которой осуществляется коммуникация). Это характерно для большинства популярных платформ: сайты, социальные сети, блоги, форумы. При этом лидер-администратор не обязательно является формальным (признанным) лидером. Хотя впоследствии ничего не мешает ему таковым стать.

Эту особенность можно проиллюстрировать, взяв в качестве примера практически любую из наиболее популярных форм Интернет-объединений. Если сообщество выстраивается вокруг определенного сайта, то к лидерам технологического типа будут отнесены непосредственно администраторы, владеющие правами на сайт. Они имеют доступ к любым изменениям, включая кодовые и программные. При этом может создаваться определенная иерархия, включающая в себя администраторов низшего уровня и модераторов. Однако и те, и другие напрямую зависят

от администраторов первого порядка. Если сообщество организуется вокруг группы в социальной сети, то в этом случае лидером будет создатель группы и назначаемые им администраторы (которые, в свою очередь, подчинены создателю в том плане, что он принимает решение об их назначении и снятии с должности). То же положение дел характерно и для других популярных форм организации в Интернете. К слову, все крупные по численности виртуальные партии, отвечают этому принципу.

Вторая особенность – несменяемость лидера-администратора без его воли, а также отсутствие значимых рычагов давления на него со стороны рядового участника. Как ведет себя в такой ситуации стандартный Интернет-пользователь? Политический теоретик гражданского участия Уильям Галстон, опираясь на теорию А. Хиршмена о «выходе» и «голосе», пишет о том, что в случае разногласий с группой или потери удовлетворения индивид предпочтет выйти из этой группы, если издержки выхода относительно невысоки. Если издержки выхода высоки, то индивид предпочтет воспользоваться «голосом», т.е. попытается повлиять на группу. Учитывая тот факт, что издержки выхода из виртуального сообщества крайне низки, Галстон считает, что именно «выход» будет наиболее вероятным вариантом поведения члена сообщества, не удовлетворенного участием в нем. А единственная альтернатива сменить лидера – создание нового сообщества. Но даже в этом случае создается точно такое же положение дел, как и в предыдущем случае, разве что во главе с другим лидером. К тому же издержки создания нового сообщества могут быть достаточно велики. На практике это приводит к значительному уменьшению численности вновь созданных объединений.

Возвращаясь к теории Хиршмена, отметим, что применительно к Интернету под «выходом» понимается не только уход из сообщества, но и переход в разряд подписчиков, т.е. выбор пассивной роли читателя. Такие подписчики вместе с теми, кто изначально зашел в сообщество ради интереса, и теми, кто активно участвует в нем, но придерживается иного мнения, образуют существенную долю людей, фактически стоящую вне сообщества (т.е. не разделяющую его основополагающие принципы и идеи), но придающую ему численный вес. Поэтому третьей особенностью будет являться тот факт, что численность сообщества не отражает действительную поддержку, которой обладает лидер или идея. Существует также множество причин, объясняющих, почему подписчики и несогласные предпочитают оставаться частью сообщества. Автор данной статьи придерживается мнения, что основной причиной является интерес, и более того, что большинство виртуальных сообществ выстраивается на основе общего интереса, а не ценностей. Но какого бы мнения мы не придерживались, существование третьей особенности не вызывает сомнений.

Четвертая особенность, которую следует здесь назвать, предполагает широкие возможности администратора влиять на других участников сообщества вплоть до отстранения их от коммуникации (что объясняет использование в его отношении термина «лидер»). Именно он получает возможность формулировать макросооб-

шение от лица всего сообщества, определять повестку дня. Лидер может определять основную тему и вектор коммуникации внутри объединения. И чем оно крупнее, тем сильнее эти возможности выражены.

Эти четыре взаимодополняемые особенности в ряде случаев могут способствовать так называемому эффекту мнимой легитимации лидера. Данный эффект проявляется тогда, когда лидер начинает продвигать официальные (не обязательно разделяемые всеми) интересы и идеи сообщества за его пределы. Лидер зачастую апеллирует к численности сообщества в подтверждение важности и значимости своих действий. Такая же тенденция (указывать на численность) характерна для СМИ, освещающих эти действия. Возможно, именно такой подход является одной из причин того, что сегодня достаточно распространено представление о силе виртуальных объединений, их влиятельности, и возможности стать эффективной альтернативой объединениям, базирующимся вне Интернета. При этом большинство сообществ остаются достаточно разрозненными в вопросе поддержки не только лидера, но и главной идеи. Не говоря уже о пассивной группе пользователей.

Почему легитимация лидера является мнимой? Дело в том, что он на самом деле не обладает той поддержкой, которой пользуется, за ним не стоит то число сторонников, которое он указывает. Первая особенность показывает, что такой лидер не всегда является таковым по праву, выдвинутому сообществом или сумевшим завоевать его признание. Таким образом, под сомнение ставится само право быть выразителем интересов и идей сообщества. Вторая особенность также подтверждает мнимость легитимности. Ведь даже если у членов сообщества есть желание заменить лидера – они этого сделать не могут. Более того, они не могут оказывать на него прямое влияние. Прилагательное «мнимая» специально использовано вместо «ложная» потому, что иллюзия легитимности создается не путем обмана или сокрытия фактов, а через восприятие виртуальных сообществ как целостных, что является ошибкой. Таким образом, представление о наличии легитимности действительно имеет место быть без каких-либо манипуляций по ее созданию.

Учитывая тот, факт, что в объединении наличествуют участники с разными ценностями и предпочтениями, отсутствует опасность превратить сторонников в недовольных. Участники с различными мнениями все равно останутся в сообществе, если оно будет и дальше вызывать интерес. И если в реальных сообществах принципиальные разногласия обычно ведут к их расколу, то в виртуальном мире они лишь усиливают интерес к группе, т.к. возникает повод для дискуссии, возможность высказаться или просто почитать интересный (живой и в ряде случаев бесцензурный) полилог. А интерес вызывается через управление повесткой дня. Это отражают оставшиеся две особенности. Конечно, данная схема приведена здесь довольно упрощенно, проигнорирован ряд второстепенных факторов и механизмов, также оказывающих свое влияние. Но в целом, описанная модель остается верной, подвергаясь на практике некоторой коррекции под влиянием частных факторов, как, впрочем, и любая другая социальная система.

Эффект легитимации широко распространен, несмотря на то, что существуют и разрабатываются способы, позволяющие создать иную структуру коммуникации (например, в рамках электронной демократии). В ряде случаев, он характерен и для не ориентирующихся исключительно на Интернет виртуальных объединений

(скажем, практически все вышеописанные особенности можно проследить на примере Интернет Партии РФ). В этом смысле можно поспорить со словами Юнгена Хабермаса о том, что электронная революция в СМИ может «уничтожить сцену для элитарных выступлений тщеславных интеллектуалов». Во многом наоборот, Интернет может способствовать их легитимации и обоснованию претензий на власть.

Примечания:

1. Галстон У. Влияние Интернета на гражданскую жизнь: первая оценка // Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс, 2006. С. 72-96;

2. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала [Электронный ресурс] // «Неприкосновенный запас». 2006. №3(47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html> (дата обращения 01.03.2014).

ФОРМЫ АКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ НА ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Закиров А.Р.

В данной статье рассматриваются выявленные и действующие механизмы и формы активного воздействия заинтересованных групп на палаты парламента РФ.

Ключевые слова: парламент РФ, Государственная Дума РФ, Совет Федерации РФ, группы интересов, лоббирование, политическая элита.

In this article describes identified and existed mechanisms, forms of the active influence of interests groups on the chambers of the Russian parliament.

Keywords: the Russia's Parliament, the State Duma of Russia, the Federation Council of Russia, interest groups, lobbying, political elite.

Формулированием и реализацией значимых целей отдельных групп общества занимаются так называемые «группы интересов», опосредуя отношения общества с одной стороны, и государства в лице его властных структур – с другой. Как показывает практика, политические партии в России не всегда показывают свою эффективность в реализации общественных интересов, поэтому необходимостью выявления всего потенциала возможностей групп интересов, в теоретизировании механизмов взаимодействия и построении моделей взаимоотношений групп интересов и власти заинтересованы, на мой взгляд, не только ученые-обществоведы, но и представители властных структур, т.к. им также требуется теоретический и практический материал для создания четкой правовой базы деятельности различных групп интересов. Для этого необходимо рассмотреть современное взаимодействие заинтересованных групп и Федерального Собрания РФ. Именно в данной сфере возможно обнаружить богатое количество как правовых, так и не формальных типов связей и методов осуществления взаимодействия.

На сегодняшний день трудов по изучению групп интересов достаточно много, создана определенная теоретическая, методологическая и прикладная база для ее изучения.

Но в тоже время, на мой взгляд, существующие разработки не охватывают наличие всех проблем в данной сфере, что требует дальнейшего анализа и систематизации накопленного материала.

Ввиду того, что группы интересов – это естественная форма реализации гражданами своих целей и удовлетворения потребностей в общественной сфере, на первом месте, на мой взгляд, стоит вопрос раскрытия и улучшения механизмов воздействия заинтересованных групп именно на высший законодательный орган Российской Федерации Парламент РФ.

Основными заинтересованными группами, которые обладают достаточными возможностями и средствами для осуществления взаимодействия с парламентом РФ, являются группы, формируемые главами региональных политических элит или их представителями в палатах Федерального Собрания РФ, либо руководителями федеральных и региональных бизнес элит. Часто лидеры политической и

бизнес элиты объединены в одном лице. Это особенность российской политической действительности¹.

В перечне законов Российской Федерации существуют такие правовые акты, которые призваны регулировать взаимодействие заинтересованных групп с представительными органами, включая и Палаты парламента РФ. Среди них ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», ФЗ «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», ГК РФ и Конституция РФ. Но в совокупности данные законы не полностью реализуют все тонкости правоотношений организованных групп с властью, также в них не четко обозначены все права и полномочия групп интересов. На мой взгляд, исправить данный недостаток способно издание закона о правовом регулировании лоббизма в России.

Во время исследования было выявлено 4 механизма воздействия групп интересов на палаты Федерального собрания РФ.

Первый. Группы интересов и различные комитеты, экспертные советы и комиссии, находящиеся в составе Совета Федерации.

Экспертные советы, комиссии, комитеты образуются для разработки базовых, концептуальных предложений по реализации конституционных полномочий Совета Федерации, предварительного рассмотрения одобренных проектов законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, а также других вопросов, отнесенных к ведению Совета Федерации Конституцией Российской Федерации.

Данные образования позволяют напрямую заинтересованным группам высказываться в желаемой политике, выступать против новых законопроектов, выдвигать собственные идеи и тд. Например, в комитет Совета Федерации экономической политике, предпринимательству и собственности может обратиться любой гражданин России, организованная группа, политический лидер региона или его представитель по вопросам бюджетного регулирования или перераспределения, формирования федерального бюджета, налоговой политики, деятельности Центробанка РФ, реализации государственных программ и так далее. Что и было сделано 2011г. Гендиректором ООО «Демократор» по вопросу льготной приватизации арендуемых помещений в г. Москва.

Также при помощи данных комиссий и советов, группы интересов имеют возможность созывать «круглые столы», собрания и устраивать общественные «чаепития» с целью донесения собственных интересов и потребностей до полномочных органов власти, например в ноябре 2012 года Председатель Совета Федерации Валентина Ивановна Матвиенко поручила Комитету Совета Федерации по экономической политике принять участие в организации и проведении «круглых столов» в рамках ММЭФ-2013 (Московского международного энергетического форума) и работе Организационного комитета.

Второй. Совет Федерации также предоставляет своим членам возможность для вхождения во власть через установление прямых контактов с представителями

¹ Юрина И.А. Источники формирования и ресурсная база групп интересов в регионах России / И.А. Юрина. [Электронный ресурс]. URL: http://ю.литу.управление.рф/arhiv/2012/02/Yurina.htm#_ftn14 (дата обращения: 15.01.2013).

федеральной элиты, что очень полезно для отстаивания региональных интересов, иначе говоря, затрагивается формирование Совета Федерации из представителей регионов (Батин Сергей Леонидович - Представитель от исполнительного органа государственной власти Республики Татарстан и Мингазов Вагиз Васильевич - Представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти Республики Татарстан). В качестве примера, хочется привести дело по вопросу «ВАМИНа», который набирает обороты в РТ, так лоббированием интересов холдинга занимается родная сестра сенатора Зулайха Хусанова (владелица 19,9-процентного пакета акций агрохолдинга, член совета директоров и его экс-председатель). Она написала письмо-обращение В.В. Путину. В своем обращении к Путину акционер просит главу государства вмешаться в процесс банкротства на «ВАМИНе», называет это банкротство «искусственным» и обвиняет в крахе холдинга «некоторых официальных лиц».

Третий. Не много иные подходы и способы взаимодействия заинтересованных групп с депутатами Государственной Думы Российской Федерации. Необходимо отметить особенность российской политики в ситуации взаимодействия Госдумы и групп интересов. Нижняя палата парламента РФ, в силу конституционных полномочий, является центром законотворчества и законодательства, но заинтересованные группы не имеют в распоряжении непосредственные законы, позволяющие им оказывать давление на членов Госдумы. Но существует несколько иных способов осуществления представительства и влияния на нижнюю палату парламента РФ.

Одним из механизмов осуществления представительства собственных интересов – это включение группами интересов собственных представителей в партийные списки, и обеспечение им проходных или полупроходных мест. Этот способ сложен в реализации и безусловно затратен по причине того, что ключевые позиции в партийных списках занимают столичные функционеры. Но с избирательным законодательством, принятым при подготовке к парламентским выборам в 2007-ом году и новым в 2013-ом году, у региональной элиты появились гарантии принятия участия в формировании партийных списков. Каждая партия делится на региональные группы, которые соответствуют субъектам России, а субъекты в свою очередь представляют собой один или несколько электоральных округов. Предполагается, что депутат от электорального округа занимается активной работой с населением, что является для региональных групп интересов и элит аргументом в отношениях с центральным руководством партии в пользу продвижения собственного представителя в партийные списки. Наибольшими шансами реализации такого плана имеют регионы с наибольшим демографическим весом и имеют большое количество избирателей, в число которых входят Москва, Республика Татарстан, Республика Башкирия, Ростовская область².

Касательно нового закона 2013-го года о формировании Государственной Думы, то согласно ему теперь половина состава Госдумы будет состоять из одноман-

² Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции / О.В. Гаман-Голутвина // Полис. 2004. С. 6–9. – №2; Юрина И.А. Источники формирования и ресурсная база групп интересов в регионах России / И.А. Юрина. [Электронный ресурс]. URL: http://июлиуправление.pf/архив/2012/02/Yurina.htm#_ftn14 (дата обращения: 15.01.2013).

датников, что должно также оказать положительное влияние на возможность групп интересов.

Четвертый. Другим способом взаимодействия групп интересов с членами нижней палаты Государственной Думы РФ является применение заинтересованными группами своих основных ресурсов, среди которых подкуп, шантаж, неофициальные встречи депутатов с региональными лидерами, нелегальное финансирование, угрозы и запугивание и так далее.

Все перечисленные механизмы и способы воздействия группами интересов на палаты парламента РФ направлены на формирование адекватной реакции на требования общества со стороны законодательной ветви власти «на входе», на адаптацию власти к политическим потребностям общества и на принятие своевременных и правильных решений на «выходе». Достигается это, как было уже определено, тем, что лица, формирующие основные группы интересов в России, либо являются сами депутатами Госдумы, либо имеют собственных представителей в палатах парламента. Например, в 2008 году проект техрегламента на реализацию табачной продукции внесли в Думу депутаты Иван Саввиди и Геннадий Кулик, являющиеся директорами «Донского табака»³.

Таким образом, рассмотрев основные методы, способы и механизмы взаимодействия заинтересованных групп с палатами парламента РФ, выявив средства для оказания давления различных групп на законодательный орган России, следует сделать вывод, что на получение контроля над властными институтами и достижение поставленных задач группами интересов оказывает влияние тип политического режима в общем, и характер властных отношений субъектов политики в частности.

Также хотелось бы предложить несколько мер по улучшению положения и позитивного развития заинтересованных групп, повышению эффективности их взаимодействия с политическими институтами власти. Необходимо формирование партнерских отношений между группами интересов и органами власти для простого и эффективного принятия правильных решений; необходимо создать такую систему сдержек и противовесов, которая не позволит доминировать какой-либо отдельной группе или группам, в частности региональным лидерам, в ущерб интересам других; необходимо улучшить работу парламентских партий, сделать их независимыми и вывести их из-под влияния партии власти, это позволит уменьшить количество групп интересов, усложняющих политическую систему, а партиям укрепить доверие со стороны населения; необходимо расширить полномочия и политический вес в рамках закона различных комиссий и комитетов по представительству в Совете Федерации, данный шаг позволит учитывать интересы большинства групп при формировании федерального бюджета, составлении законов и тп.; необходимо также стимулировать и развивать у населения РФ гражданскую ответственность и политическую активность путем групповой деятельности и реализации групповых интересов со стороны государственных органов.

³ Данилова, Д.М. Табак о себе заботится. Как работает табачное лобби в России / Д.М. Данилова // Русский репортер. №5 (283) – М, 2013. – С. 73.

Примечания:

1. Баталова Ю.В. Взаимодействие негосударственных организаций с органами государственной власти и управления в России: Автореф. дисс. . канд.полит.наук: 23.00.02 /Государственный университет управления. М., 2004;
2. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции / О.В. Гаман-Голутвина // Полис. 2004. С. 6–9. – №2;
3. Данилова, Д.М. Табак о себе заботится. Как работает табачное лобби в России / Д.М. Данилова // Русский репортер. №5 (283) – М, 2013. – С. 73;
4. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. М., УРСС, 1999;
5. Толстых П. А. Практика лоббизма в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: Научное издание. М.: Канон +, 2006;
6. Юрина И.А. Источники формирования и ресурсная база групп интересов в регионах России / И.А. Юрина. [Электронный ресурс]. URL: http://политуправление.рф/arhiv/2012/02/Yurina.htm#_ftn14 (дата обращения: 15.01.2013).

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ
КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Шахмурадян М.А.

В данном научном докладе впервые анализируется феномен влияния бессознательного, а точнее коллективного бессознательного, на принятие управленческих решений. Факт влияния психологических характеристик в системе управления очевиден, он зависит от субъекта, а, следовательно, субъективен. Но может ли он быть объективным и независимым? Цель данной работы состоит в том, чтобы понять механизмы, определяющие специфику решения не только одного индивида, но и группы людей. Соотнесение принятия решений и коллективного бессознательного, и определение объективности бессознательного – основная задача данного исследования.

Ключевые слова: *принятие управленческих решений, коллективное бессознательное, бессознательное, унификация психологического аспекта, психологические теории принятия управленческих решений, психический анализ.*

In this scientific paper first analyzes the phenomenon of unconscious influence, but rather the collective unconscious, managerial decisions. The fact of the influence of psychological characteristics in the control system is obvious, it depends on the subject, and therefore it is subjective. But can he be objective and independent? The aim of this work is to understand the mechanisms that determines the specificity of solutions not only one individual, but a group of people. Allocation decisions and the collective unconscious, and the unconscious definition of objectivity - the primary goal of this study.

Keywords: *acceptance of administrative decisions, the collective unconscious, the unconscious, the unification of the psychological aspect, psychological theory acceptance of administrative decisions, psychic analysis.*

ОБОЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА

Что такое принятие управленческих решений в современном мире? Вариации ответа на данный вопрос предлагают, на сегодняшний день, множество профессоров, учёных, профессиональных менеджеров, лидеров и т.д. Одни понимают под данным действием определённый формально зафиксированный проект какого-либо изменения в организации, в осуществлении которого помимо субъекта решения участвуют и другие члены организации¹. Другие акцентируют внимание на отличии целей управленческих решений и их последствий² от обычных повседневных решений. К данному вопросу приписываются всевозможные ответы на следствия, проистекающие из понятия и процесса принятия управленческого решения. В.Н.Лазарев предлагает классификацию управленческих решений для рациональ-

¹ Российская социологическая энциклопедия/ Под общей редакцией академика РАН Г.В.Осипова. – М.: Инфра – М: Норма, 1998. – 672 с.

² Н.В. Злобина. Управленческие решения: учебное пособие / Н.В. Злобина. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 80 с.

ного анализа при осуществлении действия.³ Особую роль отводят рациональной модели принятия решений, состоящей из комплекса последовательных этапов, определяющих качество учёта, анализа и результата решения⁴. Но доселе никто не берётся качественно изучить влияние бессознательного на принимаемые решения. Определённые попытки практического изучения данного аспекта существуют (эффект наглядности, эффект Ф.Ирвина, якорный эффект, инерционный эффект), они научно обоснованны и относятся к определённым структурам бессознательного, но это лишь верхушка айсберга, только 10% от 100%. Что же находится в толще тёмного сознания человека? Психологическому аспекту при принятии управленческих решений отводят довольно большой пласт монографий и научных статей, но здесь, на мой взгляд, люди коллективно подвергают многомерной фрагментации очевидный факт существования всего нескольких составляющих психики человека. «*Pluralitas non est ponenda sine necessitate*⁵», что в переводе означает «Без необходимости не следует утверждать многое», именно так звучит известный методологический принцип, известный всем как «Бритва Оккама».

В данной работе я попытаюсь восстановить определённое единство первопринципов, определяющих специфику принятия решений в целом. За основу мною будут взяты исследования в области аналитической психологии и психоанализа. Объектами изучения выступят две малоизученные переменные одной из составляющих психики индивида: индивидуальное и коллективное бессознательное. Детальное внимание будет оказано феномену коллективного бессознательного для инноваций в исследовании и частичной унификации психологического аспекта в принятии управленческого решения. Нам предстоит ответить на вопрос о роли коллективного бессознательного при принятии управленческих решений, о способах верификации данного процесса. Я попытаюсь обозначить определённые управленческие решения известных людей в контексте коллективного бессознательного. И, в конечном итоге, попытаюсь ответить на вопрос о возможности использования наших знаний о коллективном бессознательном на практике при управлении?!

ПОНЯТИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Что же скрывает дефиниция «бессознательного»? Объективно, не вдаваясь в детали, нужно сказать о том, что психологи и психоаналитики делят нашу психику на две категории: одна из которых есть сознательный процесс мышления, действия и т.д., где присутствует определённый самоконтроль, а другая есть бессознательное, «тёмное пространство», где самоконтроль отсутствует. Известный учёный З.Фрейд определяет бессознательное, как воспоминания, эмоции, вытесненные из сознания. Также он подразделяет его на два вида: латентное, но при этом способное к осознанию, и вытесненное — не способное быть осознанным⁶. Другой известный представитель школы психоанализа – Жак Лакан объясняет бессознатель-

³ Лазарев В. П. Управленческие решения: текст лекций. – М.: УлГТУ, 2011. – 56 с.

⁴ Зуб А.Г. Принятие управленческих решений. Теория и практика: учеб.пособие. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2010. – 400 с.: ил. – (Высшее образование).

⁵ «Ockam. Philosophical Writings. A Selection Edited and Translated by Philotheus Boehner» (New York, 1957).

⁶ Фрейд З. Психология бессознательного./ Сверху текста с подлинником провела Соколова Е.Е./ Сост., науч. ред., вступ. ст. М.Г.Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.

ное с помощью определённых структур языка, состоящих из цепочек «дискурса» и «означающего», сходящихся в точке сообщения повествователя⁷. Создатель аналитической психологии К.Г.Юнг при определении «бессознательного» акцентирует внимание на его структуре, а именно на личностном и коллективном бессознательном. Содержание личностного бессознательного, по К.Г.Юнгу, наполнено частной стороной психической жизни индивида, чувственными комплексами, приобретенными в процессе жизненного опыта, в то время, как содержание коллективного бессознательного не определяется опытом индивида, и не является персональным для каждого, но универсальным для всех⁸. Нужно отметить тот факт, что если личностное бессознательное, в основном, наполнено элементами, которые в определённый период времени индивида являлись осознанными, но вследствие забывания или вытеснения исчезли из сознания, то элементы коллективного бессознательного – это наследственные, независимые от индивида составляющие его психики. К.Г.Юнг обозначает эти общие составляющие коллективного бессознательного, как архетипы (*от др.-греч. ἀρχέτυπον — «первообраз»*). Архетипы и станут нашим механизмом поиска и определения влияния коллективного бессознательного на принимаемые управленческие решения. Следует подробнее остановиться на данных элементах. К.Г.Юнг обозначает архетип как определённое бессознательное содержание, изменяющееся при его осознании и восприятии, а также использующее формы индивидуального сознания человека⁹. К.Г.Юнг выделяет следующие основные архетипы¹⁰:

- 1) Архетип Матери;
- 2) Архетип Духа;
- 3) Трикстер;
- 4) Перерождение (имеет пять форм):
 - А) Метемпсихоз – переселение душ;
 - Б) Реинкарнация – перевоплощение с обязательным сохранением личности;
 - В) Воскрешение;
 - Г) Возрождение (обновление) либо полное перерождение индивидуальности;
 - Д) Участие в процессе трансформации;

Мне следует сказать несколько слов о содержании и образе каждого архетипа. Итак, архетип Матери проявляется во снах, в образе женщины, с которой индивид поддерживает определённые отношения. Это может быть мать, бабушка, тетушка, воспитательница, теща, родственница женского пола и т.д. Также нужно упомянуть о тех, кого можно назвать матерями в переносном смысле, а именно религиозные и мифологические фигуры (Лилит, Деметра, Кали, Гея и т.д.). Также индивид может наблюдать образы, описывающие плодородную почву, сад, сосуды, живот-

⁷ Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. / Пер. с фр. Черноглазова А. – М.: Издательство Гнозис, 2004. – 304 с.

⁸ Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре Архетипа. / Пер.с англ.Пантелеев С.И. – М.: Медков С.Б., 2011 – 312 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

ных, способных оказать помощь человеку, я думаю, что данная логика будет понятна читателю. У Вас может возникнуть вопрос о прагматичности данного явления?! Оно выражается в проявлении материнского комплекса у мужчин и женщин. Для мужчины различаются гомосексуальность (большой переизбыток материнской заботы) и донжуанство (сильный недостаток материнской заботы), где подсознательно осуществляются определённые психические установки, недоступные для сознания. У женщин материнский комплекс выражается в подавлении или, наоборот, усилении определённых материнских инстинктов. Я не буду даваться в подробности, так как нам важно лишь тезисное обозначение архетипа. Следующий архетип – это Дух. Под Духом, К.Г.Юнг на универсальном уровне подразумевает Бога, нематериальную субстанцию противоположную природе и Матери. Данный архетип может являться в зрительных образах, а также во снах индивиду. Он несёт определённое послание, нравоучение для человека, выражающееся в направлении его, в указании верного выхода из сложившейся ситуации. Во снах он проявляется обыкновенно в форме старого седого человека, профессора, учителя, авторитетного человека. Также возможны образы мифических существ: гномов, магов, чародеев. Этот архетип несёт определённый императив поведения, идею, принцип. К.Г.Юнг пишет о том, что для некоторых людей, в конечном итоге, феномен духа берёт власть, сковывая свободу действий, «становясь навязчивой властью идей¹¹». Трикстер, трюкач – это один из самых загадочных архетипов. В сущности, проявляющийся и в зрительных образах и во снах. Отличительная черта – это поддержание определённого психического динамизма в определённой ситуации. Здесь человек сталкивается с обманкой, бессознательной уловкой проецируемой на его собеседников, окружающих людей – «обезьяны шуточки». Последний архетип – это Перерождение. Название говорит само за себе. Содержание может проявляться во снах, и в реальной жизни в форме определённых видов психического расстройства личности. Здесь мы также не будем вдаваться в детали психического анализа, так как подробное описание данного архетипа читатель может прочесть в работах К.Г.Юнга.

Итак, можно сказать о том, что мы смогли наметить горизонт исследования, обозначив основные столпы коллективного бессознательного. Теперь нам предстоит проанализировать отношения и некоторые психологические теории принятия управленческих решений в контексте бессознательного.

ПСИХОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ С ПОЗИЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В современной теории менеджмента, психологическому аспекту принятия решения отводится определённая роль. Мы с Вами очень часто можем слышать в СМИ о психологических тренингах для управленцев, помогающих им раскрыть свой потенциал к организаторской деятельности и т.д. Ниже я рассмотрю некоторые «любимые» для современных менеджеров феномены психологического поведения как группы, так и индивида. Начнём с того, что в современной науке, посвященной управлению, различают индивидуальные, или личностные, и группо-

¹¹ Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре Архетипа./ Пер.с англ.Пантелеев С.И. – М.: Медков С.Б., 2011 – 312 с.

вые психологические факторы. Начнём с индивидуальных. Рассмотрим, известный многим, эвристический метод (*лат. Evrica* — «отыскиваю», «открываю») к принятию решений, подразумевающий определённую «разновидность запрограммированного поведения, следующего логике, весьма отличной от последовательной логики»¹², проявляющийся в ситуациях, где человек принимает решения, основываясь на опыте или ассоциациях, скрытых в сознании индивида. Уже само определение обозначает и подтверждает тезис о присутствии и влиянии личностного, индивидуального бессознательного на процесс принятия решения. Управленец при использовании эвристического метода ищет ответ, решение, предложение не только при помощи формальных рамок, шаблонов принятия управленческого решения, но и активно используя творческое мышление. Что есть источник творческого мышления? В своём докладе в Психологическом обществе в Париже, Анри Пуанкаре с помощью математики выделил несколько стадий творческого процесса, где одной из стадий являлся процесс бессознательной работы над творческой задачей¹³. Также известно описание английским психологом Грэмом Уоллесом последовательности творческого мышления, где он обозначает стадию инкубации, как процесс временного отвлечения от задачи¹⁴. В дальнейшем идёт стадия озарения — появления интуитивного решения. Насколько мы с Вами знаем инстинкты и интуиция принадлежат именно бессознательной стороне нашей психики. Известный многим менеджерам пример эффекта наглядности есть ничто иное, как всплывающая в сознание из личностного бессознательного ассоциация или образ, вытесненный самим сознанием. Аналогично дело обстоит и с другими эффектами и феноменами психологического поведения. Эффект Ирвина напрямую связан с опытом пережитым индивидом, с его бессознательным отношением к принимаемому решению. Недочёты рационального мышления приводят к тому, что сознание не учитывает известную многим управленцам иллюзию контроля руководителя, принимающего решение. И здесь, как следствие, возможно неосознанно проявляется и влияние архетипа Духа, при котором человек является жертвой идеи и императива, но в данной плоскости нужны более фундаментальные исследования. Мне кажется, что позиция личностного бессознательного устоялась, мы определили поле для маневра, но как дела обстоят с коллективным бессознательным, к которому мы уже подошли в предыдущем предложении?! Давайте проанализируем аспекты группового мышления. Английский исследователь И.Дженис выделяет 8 причин группового мышления. Я рассмотрю некоторые из них в контексте коллективного бессознательного. Групповая мораль — это аспект определяющий содержание группового решения, его суть, а также определённые риски и альтернативы. Данная категория есть ничто иное, как феномен единства и коллективного одобрения определённых императивов, целей, инструментария группы, организации, этноса и т.д. Люди, объединяющиеся на базе одной идеи и, как следствие, принимающие её, не являются полноценно сознательными акторами данного процесса, ибо как писал доктор К.Г.Юнг: «Если какая-то великая идея пришла к нам извне, мы должны по-

¹² Зуб А.Т. Принятие управленческих решений. Теория и практика: учеб. пособие. — М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2010. — 400 с.: ил. — (Высшее образование).

¹³ Пуанкаре А. О науке. / Под редакцией Л.С.Понтиягина — М.: Наука, 1989. — 414 с.

¹⁴ Wallas G. The Art of Thought. N. Y., 1926; См. также: Солсо Р. Когнитивная психология. 1996.

нять, что она захватила нас только потому, что что-то внутри нас отвечает ей и идёт ей навстречу¹⁵». Личностное бессознательное здесь, возможно, выполняет определённую функцию, но основной действующий игрок – это определённые временем и наследственностью подсознательные «отпечатки» на психике человека. Как вы уже поняли речь здесь идёт о стремлении индивида к поиску императива, совета, понятия, толчок к которому из бессознательного следует в сознательное, преобразуясь в соответствие с личностным бессознательным. Личностно бессознательное здесь скорее эмпирический шлюз, срабатывающий при явлении коллективного бессознательного, где архетипы используют различные краски сознания для создания того, или иного содержания. Коллективное же бессознательное – это плацдарм, шкатулка, содержащая в себе определённые указания на предпочтение тех или иных императивов, моральных аспектов и т.д. Следует также рассмотреть такое групповое явление, как стереотипы при принятии решения. Что такое стереотипы? Это прежде всего символ, побуждающий нашу психику к определённым действиям. Этот символ чаще всего находится в бессознательном, причём в личностном, ввиду того, что вся осознанная символика после процесса осмысления уходит в доступный разуму отдел личностного бессознательного, откуда может благополучно быть извлечена усилием мысли. Но речь сейчас идёт о коллективном бессознательном, и здесь можно сказать о том, что символизм коллективного бессознательного тесно переплетается с символизмом алхимии, который объясняет своему существованию некоторой адекватной причине, а не игре воображения¹⁶. Читатели должны понимать факт того, что определённые стереотипы формируются на базе символов, строящихся на историческом и культурном поприще определённых народностей и этносов. Стереотип, подразумевающий негативное отношение к тому или иному лидеру, ввиду того, что он имеет привычку, сам того не осознавая дискриминировать сотрудников по половому признаку, а также привычку к неструктурированной жестикюляции и т.д., только даёт нам «поле» для анализа символов. Эмпирически, мы можем проверить, что человек совершающий круговые движения рукой при разговоре привлекает внимание аудитории больше, нежели лидер с несинхронной подвижностью рук. Что такое круговое движение? Это упорядоченность, мандала, как её определяет К.Г.Юнг, которая является бессознательным и универсальным символом¹⁷. Дискриминация по половому признаку – это в конкретных случаях, не совсем конкретная форма архетипа Матери, определяющая то или иное отношение к противоположному полу. Итак, оказывается коллективное бессознательное может раскрывать для нас определённые горизонты познания, объясняющие психологические аспекты принятия решения.

КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И УПРАВЛЕНИЕ: ВЕРИФИКАЦИЯ И ПРАКТИКА

Мне кажется, что читателю будет наиболее интересно познакомиться непосредственно с выражением коллективного бессознательного на практике, а именно

¹⁵ Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре Архетипа./ Пер.с англ.Папугеев С.И. – М.: Медков С.Б., 2011 – 312 с.

¹⁶ Юнг К.Г. Психология и алхимия./ Пер. с англ. Удовика С. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – 603 с.

¹⁷ Там же.

при принятии управленческих решений известными, а для некоторых, и великими людьми. Я думаю, что в данной работе будет достаточно обозначить только одну фигуру (ведь цель моей работы указать на то, что коллективное бессознательное – это важнейший фактор, влияющий на управленческие решения) и, что логично будет взять биографии того субъекта, о котором остались определённые сведения современников и ближайшего окружения. Рассмотрим воспоминания одного из современников Адольфа Гитлера, а именно Отто Дитриха – рейхсleiterа нацистской Германии. Вообще, фюрер – это фигура одиозная, под данным термином я понимаю широкое «поле» бессознательного для изучения психологами. Интересен следующий эпизод из жизни Гитлера, вот как описывает его Дитрих: *«Гитлера никак нельзя было зачислить в разряд антисоциальных людей. Более того, он терпеть не мог оставаться наедине с собой. Его страх одиночества был поразительным. Казалось, что он боялся лицезреть самого себя. Из-за этого он никогда не ложился спать раньше, чем в 3–4 часа ночи, и, естественно, люди из его окружения были вынуждены бодрствовать до столь позднего часа»¹⁸*. Факт того, что Гитлер не терпел одиночества и старался либо быстро засыпать, либо лечь с первыми лучами солнца довольно интересно состыковывается с тем, что фюрер являлся поклонником эзотерики и активно интересовался поиском различных мифологических инструментариев. Боязнь сна, возможности остаться один на один с собою, есть ничто иное, как власть психических предубеждений и предрассудков, возможности проявления того бессознательного, что направляло Гитлера. Сон – это один из достоверных путей, ведущий нас к бессознательному, к скрытым эмоциям, предубеждениям, возможно субъективным откровениям, окрашенным индивидуальным бессознательным. Что же лежало в основании страха одиночества не только наяву, но и во сне?! Здесь, возможно, и появляется тот самый Трикстер, архетип, который подшучивает на сознанием, создаёт для него ловушки, с целью ради цели, для того, чтобы быть замеченным. Факт субъективного влияния на самого себя, на мой взгляд, оправдан состоятельностью архетипа Духа. Дитрих пишет: *«Он был готов принести на алтарь отечества еще большие жертвы, чтобы сохранить бессмертие нации»¹⁹*, также нужно упомянуть следующую фразу фюрера *«единственная блестящая идея более ценна, нежели добросовестная работа в кабинете на протяжении всей жизни»²⁰* для нас становится очевидным существование пленника идеи, который находится в кругу внимания прессы, народа, армии, но архетип Духа настолько влияет на индивида, что при отсутствии окружения свиты, символичность внешняя переходит во внутреннюю, переходит в плоскость Самости, описанной К.Г.Юнгом. Именно при таком положении дел возникает архетип Трюкача, обманывающего сознание и провоцирующего сознательное подавление рационального предубеждения относительно идеи, императива архетипа Духа. Следовательно, образуется порочный круг, мандала, которая ввиду вышеуказанных следствий становится единственно значимой и оправдываемой, *«Гитлер не мог сосредоточиться, работая сидя и молча — ему надо было двигаться и го-*

¹⁸ Дитрих О. Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933–1945. — М.: Центрполиграф, 2007. — 320 с.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

*ворить*²¹», отсутствие внутренней гармонии и постоянное движение. Но Трикстер, на то и трюкач, чтобы подменять понятия. Именно поэтому фюреру снятся кошмары (подтвержденный современниками факт). Трикстер играет на чувствах предубеждения и страха потери императива, также как и на чувствах личного характера, открывающих горизонты безумства реализуемой идеи. У меня нет материала, детально описывающего сны фюрера, но мы можем делать определённые выводы, основываясь на его биографии. Особые отношения с матерью Кларой Пёльцль и воспоминания о ней, на мой взгляд, повлияли на архетип Матери у Гитлера, который по воспоминанию Дитриха: «*к женщинам, ... был почти преувеличенно вежлив*²²». Отпечаток мысли об инцесте между родителями также сыграл определённую роль в становлении личности и активации бессознательного, плоды мы можем видеть объективно, рассматривая личную жизнь фюрера.

Возможно, читателю покажется недостаточным анализ именно управленческой стороны вопроса, но в этом случае я могу сослаться на недостаточное понимание материала, указанного мною читателем, ибо если мы пытаемся понять явление урагана, то нам нужно осознать движение циклонов, а не движущейся с огромной скоростью ветер.

ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНСЕНСУС?

Изначально меня интересовал не столько вопрос верификационной базы исследования, сколько возможности адаптации феномена коллективного бессознательного и его учёта при принятии управленческих решений. Возможен ли консенсус между псевдосознательными, необъективными управленческими решениями и могущественным, неизведанным коллективным бессознательным? Сознание подсказывает, что нет, но есть ещё и бессознательное...

Примечания:

1. Ockam. Philosophical Writings. A Selection Edited and Translated by Philotheus Boehner» (New York, 1957);
2. Wallas G. The Art of Thought. N. Y., 1926;
3. Дитрих О. Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933-1945. — М.: Центрполиграф, 2007. — 320 с.;
4. Зуб А.Т. Принятие управленческих решений. Теория и практика: учеб.пособие. — М.: ИД ФОРУМ: ИНФРА-М, 2010. — 400 с.: ил. — (Высшее образование);
5. Лазарев В. Н. Управленческие решения: текст лекций. — М.: УлГТУ, 2011. — 56 с.;
6. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа./ Пер. с фр. Черноглазова А. — М.: Издательство Гнозис, 2004. — 304 с.;
7. Н.В. Злобина. Управленческие решения : учебное пособие / Н.В. Злобина. - Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. - 80 с.;

²¹ Дитрих О. Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933-1945. — М.: Центрполиграф, 2007. — 320 с.

²² Там же.

8. Пуанкаре А. О науке./ Под редакцией Л.С.Понтрягина – М.: Наука, 1989. – 414 с.;
9. Российская социологическая энциклопедия/ Под общей редакцией академика РАН Г.В.Осипова. – М.: Инфра – М: Норма, 1998. – 672 с.;
- 10.Фрейд З. Психология бессознательного./ Сверку текста с подлинником провела Соколова Е.Е./ Сост., науч. ред., вступ. ст. М.Г.Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.;
- 11.Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре Архетипа./ Пер. с англ. Пантелеев С.И. – М.: Медков С.Б., 2011. – 312 с.;
- 12.Юнг К.Г. Психология и алхимия./ Пер. с англ. Удовика С. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – 603 с.

ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ведерникова М.И.

В статье подробно рассматриваются социальные и политические институты Полоцкого княжества, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, которые находились на территории современной Республики Беларусь. Акцент сделан на то, как эти институты трансформировались и способствовали или препятствовали выработке национальной политической традиции. Институты каждого государства, в которое входила территория современной Белоруссии, подробно описаны и проанализированы. Особое внимание уделено описанию вече, институту княжеской власти, православной церкви, шляхетского сойма, княжеской рады, католической церкви, шляхетской демократии, институту королевской власти, двухпалатному вальному сейму. Интересно то, что политические и социальные институты, которые находились на территории Республики Беларусь, с одной стороны, эволюционировали в русле общеевропейских политических традиций, но, с другой стороны, сохраняли национальные особенности. В статье на этом также сделан акцент.

Ключевые слова: управленческие традиции, социальные институты, политические институты, Полоцкое княжество, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, политические традиции.

The article considers in detail the social and political institutions of the Principality of Polotsk, the Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth, which were on the territory of modern Republic of Belarus. The emphasis is put on how these institutions transformed and contributed to or impeded the development of the national political tradition. Institutions of each state, which included the territory of modern Belarus, described in detail and analyzed. The special attention is paid to the description of *Veche*, the institution of princely power, the Orthodox Church, the noble Sejm, princely council, Catholic Church, szlachta's democracy, institute of royal power, a bicameral General sejm. Interestingly, political and social institutions, which were on the territory of the Republic of Belarus, on the one hand, have evolved in line with the overall European political traditions, but on the other hand, retain national peculiarities. In the article, this fact is also emphasized.

Keywords: administrative traditions, social institutions, political institutions, Principality of Polotsk, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, political traditions.

Социальные и политические институты Беларуси интересны тем, что на территории этой страны за время Средних веков и раннего Нового времени находилось несколько государств, и их политическое устройство сильно отличалось. В данной статье рассмотрены социальные и политические институты Полоцкого

княжества, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, которые находились на территории современной Республики Беларусь.

Полоцкое княжество первое выделилось из состава Древнерусского государства и стало независимым. Но такой политический институт, как вече, там сохранился. Вече - один из самых известных институтов, который был в Новгороде, Киеве, Смоленске и Полоцке. Вече в Полоцке собиралось и двух местах — или у собора Святой Софии, или у церкви Святой Богородицы Старой, на площадях двух наиболее почитаемых церквей. Вече собирал князь, но иногда вече собиралось и без князя, когда его не было совсем или когда оно что-нибудь замышляло против него. Кроме того, на вече присутствовал епископ и все свободные граждане, являвшиеся главами семейств. Взрослые, не отделившиеся сыновья, не участвовали в вече. Это была народная сходка, на которую собирались все без различия сословий — богатые (добрые) и бедные (малые) или, как иногда определяет летописец, — «все горожане». Вече имело громадное значение. Прежде всего, от него зависела передача власти тому или другому князю: оно избирало князя, заключало с ним договор. Таким образом, избрание князя или его удаление было предметом ведения веча, как главного города, так и его пригородов. С каждым новым князем вече заключало договор-ряд, скреплявшийся крестоцелованием и клятвой с обеих сторон. Договоры были устные, но, вероятно, были и письменные. Так и позднейшие акты уже литовского периода сохранили нам некоторые черты этих договоров. Полоцкое вече самостоятельно сносилось с другими землями и заключало договор без согласия и участия князя.

Так, известен случай, произошедший в 1226 году, когда полочане заключили договор с князем Давыдом Смоленским. В 1191 году они заключили договор с новгородцами и обещали последним помощь в походе или на литву или на чудь. Не раз полочане заключали торговый договор со своими соседями немцами. Интересен титул, которым себя именovalo полоцкое вече в договорах: «А се мы, полочане, вси добрыи люди и малыи»¹. Вече главного города Полоцка имело значение для всей Полоцкой земли и от ее имени вело все переговоры. Но каждый из полоцких пригородов, т.е. второстепенных городов, имел свое вече, ведавшее всеми делами пригородов и его округа. Однако, когда дело касалось всей земли, то веча пригородов должны были повиноваться вечу главного города. При таких условиях вече имело огромное значение в земле и во внутреннем управлении.

Вообще, Полоцк достиг весьма высоких ступеней народоправства и демократического устройства. Власть князя имела весьма небольшое значение. Он был, главным образом, восначальником и судьей. Но князь судил не один, а с представителями веча. Князь имел свою дружину, т.е. свое отдельное войско. Старшими членами этой дружины и советниками князя были княжеские бояре. Младшими членами дружин, исполнявшими в то же время различные административные функции, были детские, позже получившие название дворян, т.е. люди, составлявшие двор князя. Для содержания себя и своего двора князья имели свои доходы, собирали пошлыны, дани².

¹ Андреев А. Р., Андреев М. А. Удивительная Беларусь. К 600-летию юбилею Беловежской пущи. — М. Алгоритм, 2008. — 88 с.

² Довнар-Запольский М. В. История Беларуси. — Минск: «Беларусь», 2003. — 680 с.

В качестве одного из социальных институтов Полоцкого княжества можно рассматривать церковь. Основные признаки церкви как социального института – это наличие профессионального духовенства, которое формируется по иерархической системе. Так же церковь выступает как юридическое лицо, которое владеет определенной собственностью, составляющей экономическую основу ее существования. Кроме того, для церкви типично наличие четкой догматики и детализированного культа. Внутренняя структура такого института – это организационно оформленное взаимодействие различных систем, функционирование каждой из которых связано с формированием социальных организаций и учреждений, также имеющих статус социальных институтов. Согласно исландским сагам, Полоцк был крещён около 1000 года исландским викингом-христианином Торвальдом Кодранссоном, получившим от константинопольского Императора Василия II грамоту «полномочного представителя Византии в русских городах Восточной Балтики»³. Таким образом, в начале 11 века на территории Полоцкого княжества утвердился институт православной церкви.

В 1392 году Полоцк потерял последнего князя, пользовавшегося относительной независимостью⁴. Полоцкое княжество вошло в состав Великого княжества Литовского и превратилось в административную единицу, управлявшуюся наместниками.

Одним из политических институтов Великого княжества Литовского был институт княжеской власти. Правителем государства был великий князь, или, как его называли в актах с XV века, – господарь. Власть великого князя в пределах его государства (за исключением зависимых княжеств, и ли областей) княжеств, или областей) первоначально ничем не ограничивалась и он являлся единственным источником права. Однако уже в XV веке она ограничивается шляхетскими привилегиями, а в дальнейшем – и магнатско-шляхетскими политическими органами. В итоге государственной унии с Польским королевством утверждается принцип выборности монарха, который так же был своеобразным инструментом ограничения его власти. Многие правительственные функции сосредотачивались в одних руках. Но практически до самой Люблинской унии правительственные организации и структуры не были самостоятельными институтами, а занимавшие их люди исполняли поручения великого князя и его рады.

Первым шагом к ограничению власти великого князя стало формирование княжеской рады. Как круг приближенных к правителю советников она была явлением общевосточного характера и у восточных славян существовала с эпохи Киевской Руси. Институт советников, игравших определенную политическую роль, был и у первых литовских князей. До середины XV века состав рады не был конкретно определен, как и ее компетенция. Положение изменилось, когда боярство Витовта превратилось в крупную земельную аристократию и, используя свой общественно-политический вес, стало требовать от монарха юридического закрепления своего доминирующего положения. Полное юридическое закрепление роли

³ Джаксон Т. П. *Austr i gòrdum*. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 208 с.

⁴ Любавский М. К. Областное деление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. - М.: Университетская типография, 1892. — 984 с.

паны-рады как государственного органа зафиксировали привилегии Александра Каземировича от 1492 года и Жигимонта Старого от 1506 года.

В начале XVI века более конкретно определились полномочия рады. Она ведала дипломатическими отношениями государства, обороной и финансовыми вопросами, контролировала раздачу земель и должностей, выполняла ряд судебных функций. Раде принадлежало право выбора нового монарха.

Политический вес паны-рады начал уменьшаться с середины XVI века, когда оформился новый политический институт высшей власти - шляхетский сейм. Общегосударственный сойм Великого княжества Литовского ведет свое происхождение от территориальных сословных съездов. В конце XV в. на основе областных сеймиков возникает общегосударственный сойм Великого княжества Литовского. Как и в других странах Европы, важнейшим фактором его появления было дарование шляхте таких привилегий, после которых каждая новая повинность требовала ее согласия. В результате монарх вынужден был согласовывать нововведения не только с магнатерией (паны-радой), но и с представителями местной шляхты. Принципиальным отличием сойма от веча или господарской рады было шляхетское представительство.

Место церкви в Великом княжестве Литовском долгое время определялось существованием двух христианских конфессий. Православной веры придерживалось в XVI веке большинство восточнославянского населения (белорусы, украинцы). Католическая вера распространялась и постепенно укрепляла свои позиции на белорусских землях благодаря политике великих князей литовских, поддерживавших католичество. В конце XVI — начале XVII века в Великом княжестве Литовском в ответ на пропольско-католическую политику руководства Речи Посполитой возникли братства — национально-религиозные организации православного, преимущественно мещанского, населения. В братских школах использовались церковнославянский и старобелорусский языки.

В 1569 году Великое княжество Литовское и Королевство Польское подписали Люблинскую унию, объединившись на конфедеративной основе в Речь Посполитую. В результате образования литовско-польского государства происходило постепенное заимствование шляхтой Великого княжества Литовского польских культурных образцов⁵.

В связи с образованием Речи Посполитой определенные изменения произошли и в государственном строе самого союза Литвы и Польши. Был учрежден двухпалатный вальный сейм, нижней палатой которого была польская изба. До середины XVII в. действовал учрежденный в Великом княжестве новый орган - Генеральный сеймик, который проходил в городе Волковыске или городе Слониме. Он обычно созывался перед вальным сеймом Речи Посполитой. На Генеральном сеймике вырабатывалась инструкция послам, которой они должны были придерживаться на вальном сейме при решении вопросов⁶.

Принцип шляхетской демократии, «можновладства», выборности короля, положенный в основу польской государственности, подчеркивал значение челове-

⁵ Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569—1999. — London: Yale University Press, 2004. — 353 с.

⁶ Шабуневич С. Н. Курс лекций по «Истории государства и права Беларуси», 2010. — 245 с.

ской личности. Каждый крупный шляхтич чувствовал себя политической персоной, не считаться с которой не может ни король, ни представители своей же сословной группы⁷. Власть монарха ограничивалась в пользу шляхетского сословия.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что социальные и политические институты на территории современной Республики Беларусь в период Средних веков и раннего Нового времени были представлены и институтами Древнерусского государства (вече, князь, православная церковь), и Великого княжества Литовского (шляхетский сейм, княжеская рада, католическая церковь), и Речи Посполитой (шляхетская демократия, король, двухпалатный вальный сейм). С одной стороны, они эволюционировали в русле общевропейских политических традиций, но, с другой стороны, сохраняли национальные особенности.

Примечания:

1. Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569—1999. — London: Yale University Press, 2004. — 353 с.;

2. Андреев А. Р., Андреев М. А. Удивительная Беларусь. К 600-летию юбилею Беловежской пуши. — М. Алгоритм, 2008. — 88 с.;

3. Джаксон Т. Н. Austr i górdum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 208 с.;

4. Довнар-Запольский М. В. История Беларуси. — Минск: «Беларусь», 2003. — 680 с.;

5. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Брагиной Л.М. - М.: Высшая школа, 1999. — 479 с.;

6. Любавский М. К. Областное деление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. - М.: Университетская типография, 1892. — 984 с.;

7. Шабуневич С. Н. Курс лекций по «Истории государства и права Беларуси», 2010. — 245 с.

⁷ История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Брагиной Л.М. — М.: Высшая школа, 1999. — 479 с.

О ГЛАСНОСТИ И НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПУБЛИЦИСТОВ)

СЫРЦЕВА Е.А.

В данной статье дается анализ того, какое влияние оказало провозглашение гласности на развитие публицистики, оживление дискуссий в СМИ и общественного сознания в целом. Рассматривается эволюция гласности в СССР, ее задачи, отражение коренных перемен советского общества в публицистике. Предлагается сравнительный анализ взглядов инициаторов перестройки (М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева) и публицистов в контексте гласности. Автор приходит к выводу о том, что утвердившийся в первые годы преобразований плюрализм мнений не достиг поставленной цели.

Ключевые слова: перестройка, гласность, публицистика, новое политическое мышление, XXVII Съезд, январский пленум ЦК КПСС, М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев.

The article analyzes the influence of proclamation of glasnost on development of social and political journalism in U.S.S.R., revival of discussion in mass media and social consciousness in whole. The article deals with evolution of notion «glasnost» in U.S.S.R., its goals, gives information about how social and political journalism demonstrated radical changes in soviet society. Author of the article suggest comparative analysis of views of initiators of perestroika (M. Gorbachev, A. Yakovlev) with views of publicists in the context of glasnost. Author comes to the conclusion that pluralism of opinions which has become firmly established in the early years of perestroika was ineffectual.

Keywords: perestroika, glasnost, social and political journalism, new political thought, XXVII Party Congress, a January plenum of the Central Committee of the Communist party, M. Gorbachev, A. Yakovlev.

Одним из знаковых явлений, сопутствующих политике «перестройки», было стремительное развитие публицистики и оживление дискуссий в средствах массовой информации. Данные процессы возникли их вследствие официального провозглашения.

Понятие «гласность» возникало в интеллектуальных кругах общества и раньше. Так, в 1965 году состоялся митинг гласности, организаторы которого требовали открытого суда над арестованными писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. При Горбачеве о гласности было сказано на XXVII Съезде КПСС в феврале 1986 года в контексте обсуждения проблем хозяйственной системы и экономики страны в целом. Вскоре из экономической области гласность переходит в идеологическую и информационную сферу. Теперь гласность означает снятие информационных табу, возможность запроса сведений о деятельности различных организаций, отмену цензуры, ослабление идейно-политического давления на СМИ и другие сферы гуманитарно-творческого характера. Как отмечает американ-

ский исследователь перестройки Арчи Браун¹, «к весне 1989 г. официально санкционированная гласность претворилась в практически неограниченную свободу слова»

Особенное значение провозглашение гласности имело для публицистики, которая, в силу своей природы не может оставаться в стороне от вопросов общественного бытия и проблем современности. В публицистике находят отражение коренные изменения в политической, экономической, социальной реальности, которые привели к сдвигам в общественном сознании и речевой практике². Публицистические материалы, как и пресса периода перестройки в целом представляет собой динамически развивающуюся систему, в которой сочетаются элементы разных стилей. Прежде официозный, абстрактный, избыточный штампами язык прессы стал приобретать эмоциональную окраску, т.е. начал в большей степени приближаться к требованиям и параметрам публицистического стиля.

Главное предназначение публицистических произведений – анализировать актуальные события и явления современности на основе фактических данных о различных сторонах повседневной жизни общества, давать им оценку и формулировать возможные пути решения поставленных проблем. Сверхзадача публицистики – формировать общественное мнение, помочь читателям разобраться в противоречиях и сути происходящих процессов, чтобы определить собственное отношение к явлениям современности и занять определенную позицию. Исходя из этого определения ясно, почему публицистика стала так актуальна именно в годы перестройки, когда общество переживало отказ от десятилетиями насаждавшихся истин и трансформацию не только политических, экономических и социальных структур, но и процесс глубоких идеологических и духовных перемен.

В 1986 году на XXVII съезде КПСС был утвержден курс на социально-экономическое ускорение общественного развития, поставлен вопрос о расширении гласности и более глубоком изучении опыта КПСС. Также Горбачев объявил о новых подходах во внешней и внутренней политике и о новом политическом мышлении. В 1988 году А.Н. Яковлев определял значение нового политического мышления в освобождении от «духовной, экономической, научно-технической автаркии» советского общества, сформировавшейся в результате авторитарного правления Сталина. В своих тезисах Александр Николаевич говорит о необходимости отказаться от «конфронтации всему остальному миру», так как «человек формируется, развивается тоже только через взаимодействие с другими, с обществом в целом»³.

Через год Яковлев так определил особенности нового политического мышления: «Во-первых, необходимо обращение ко всему тому новому, перспективному,

¹ Браун, А. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом / А. Браун // Seven Years that Changed the World. – Oxford: Oxford University Press, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/6/8.htm>. (дата обращения: 11.05.2013).

² Симон, А.А. Большие демократии – большие социализма: язык журнальной публицистики периода перестройки // Политическая лингвистика. – Выпуск (1)21. – Екатеринбург, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/simon-07.htm> (дата обращения: 11.05.2013).

³ Тезисы к выступлению А.Н. Яковлева на Политбюро ЦК КПСС о новом политическом мышлении // Перестройка: 1985–1991. Незданное, малоизвестное, забытое. 1988г. / А.Н. Яковлев. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023913> (дата обращения 1.06.2013).

что отличает современный мир, определяет его неповторимость и наиболее вероятные тенденции его развития. Во-вторых, новое политическое мышление во главу угла ставит идею развития в самой прямой и непосредственной форме. В-третьих, новое политическое мышление – это глубокое переосмысление всех традиций силовой политики, выход далеко за ее пределы»⁴. Следует отметить, что автор этого высказывания дает достаточно пространное определение понятию. Что он подразумевает под «новым, перспективным»? В чем суть «идеи развития в прямой и непосредственной форме»? Как далеко за пределы силовой политики допустимо выйти при формировании международных отношений в условиях современности?

Понятия «гласность», «новое политическое мышление», «перестройка» оказались в центре внимания и размышлений публицистов. Например, И.М. Клямкин в статье, «Какая улица ведет к храму?», сформулировал свое понимание нового мышления. Автор пишет, что «Мыслить по-новому – значит восстановить историю духовной культуры страны как диалог разных традиций и направлений, как историю исканий и ошибок, борьбы и творчества, а не одних «разгромов»⁵. Несмотря на некоторую обтекаемость такого определения можно проследить принципиальное, на наш взгляд, различие с высказыванием А.Н. Яковлева. Судя по тексту, Александр Николаевич делает акцент на необходимость обратиться к другим странам и стремиться распространять и утверждать социализм в его истинном смысле. Клямкин же пишет о важности формирования и развития духовной культуры внутри страны в условиях перестроечных процессов, о важности приведения нового мышления в соответствие с традициями и исканиями общества. На данном этапе публицист сетует на то, что этого соответствия пока нет. Поэтому новое мышление представляет собой лишь многоголосие, когда все говорят разом, не слушая и не слыша друг друга.

Многие публицисты предлагали свой вариант программы перестройки, однако при внимательном рассмотрении в большинстве своем эти программы являются повторением пунктов, которые были обозначены КПСС. Так, А.Е. Бовин понимал под перестройкой обновление модели социализма. Для этого, на его взгляд, необходимы были следующие меры: во-первых, переход от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным; ускорение социально-экономического прогресса на самой передовой научно-технической базе; сочетание плана и рынка, планового руководства с механизмами саморегуляции экономической жизни; возврат к ленинскому кооперативному плану; расширение индивидуальной трудовой деятельности.; во-вторых, демократизация всей политической системы; создание правового государства; утверждение гласности, социалистического плюрализма мнений, критики и общественного контроля; укрепление роли партии как политического авангарда советского общества; в –третьих, творческое развитие марксистско-ленинской теории, возрождение общественных наук; раскрепощение художе-

⁴ Яковлев, А. Н. Перестройка и современный мир / Отв. Ред. Т.Т. Тимофеев. – М.: Международные отношения, 1989. – С. 20.

⁵ Позиция: Опыт критического ежегодника. Литературная полемика / Сост. В.Г. Бондаренко. – М.: Советская Россия, 1988. – С. 371.

ственного творчества; утверждение высоких нравственных начал, социалистических ценностей во всех сферах общественной жизни⁶ (с. 539).

Отметим также, что публицистические материалы периода перестройки, за редким исключением, отличаются противоречивым, неоднозначным отношением к происходящим событиям. Причина – в противоречивости самих перестроечных процессов. На январском Пленуме ЦК КПСС в 1987 году была окончательно сформулирована концепция перестройки: под перестройкой понималось «демократизация всех сфер жизни», коренное реформирование советского общества и сохранение главных параметров системы и ее идеологии. Уже в этом просматривается противоречие: как можно осуществить коренное преобразование чего-либо, сохраняя нетронутыми основы?

Нерешительность и запаздывание принимаемых КПСС решений, груз институционального наследия привели к тому, что преобразования пошли не совсем так, как планировали инициаторы перестройки. Вместо нарастания созидательных, положительных тенденций стремительно образовывались оппозиционные настроения, усиливались голоса критиков и недовольных, получивших возможность высказаться. Не было единства мнений, что вполне нормально, с одной стороны, но с другой эта ситуация значительно осложняла поиск решений существующих проблем, ответов на вопросы, возникших в связи с пересмотром прошлого и размышлениями о будущем страны.

Примечания:

1. Браун, А. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом / А. Браун // *Seven Years that Changed the World*. – Oxford: Oxford University Press, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/6/8.htm> (дата обращения: 11.05.2013);

2. Симон, А.А. Больше демократии – больше социализма: язык журнальной публицистики периода перестройки // *Политическая лингвистика*. – Выпуск (1)21. – Екатеринбург, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/simon-07.htm>. (дата обращения: 11.05.2013);

3. Тезисы к выступлению А.Н. Яковлева на Политбюро ЦК КПСС о новом политическом мышлении // *Перестройка: 1985-1991. Неизданное, малоизвестное, забытое*. 1988г. / А.Н. Яковлев. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023913> (дата обращения 1.06.2013);

4. Яковлев, А. Н. Перестройка и современный мир / Отв. Ред. Т.Т. Тимофеев. – М.: Международные отношения, 1989. – С.20.

5. Позиция: Опыт критического ежегодника. Литературная полемика / Сост. В.Г. Бондаренко. – М.: Советская Россия, 1988. – С. 371.

6. Иного не дано. – М., 1988. – С. 539.

⁶ Иного не дано. – М., 1988. – С. 539

МИФЫ В СОЗНАНИИ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Шайхтдинова А.А.

Статья посвящена исследованию роли культурного фактора в происходящих в период перестройки процессах. Основное внимание при этом уделяется политической мифологии как важной характеристике сознания людей. Автор стремится проследить трансформацию мифов политической элиты на каждом этапе перестройки. При этом ключевой задачей является оценка их роли в формировании идейных течений, в изменении политического курса руководства страны. В качестве первостепенных проблем выделены миф о перестройке, концепция обновления социализма, либерально-демократический миф, дискуссии о рыночной и плановой экономике. На основе проведенных исследований делается вывод, что мифологизация сознания элиты стала частью комплекса причин, обусловивших неудачный результат реформ перестройки.

Ключевые слова: политическая элита, социально-политический миф, социализм, культурный фактор, сознание, мифология, перестройка, рынок, либеральная модель реформ.

Article is devoted to research of the role of culture factor in processes that occurred in adjustment's period. Main attention devotes to political mythology as an important characteristic in people's mind. Author seeks to trace myth's transformation of political elite at the every stage of adjustment. Wherein key task is to assess their role in formation of ideological currents and in changing political course of the country's guide. As priority problems myth about adjustment, concept of socialist renewal, liberal-democratic myth, discussion of market and planned economy is isolated. Based on these studies it is concluded, that complex of myths of elite's mind became complex's part of reasons, that caused a bad result of adjustment's reforms.

Keywords: Political elite, social-political myth, socialism, culture factor, mind, mythology, adjustment, market, liberal

Итоги политики, проводившейся в Советском Союзе во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. и получившей название перестройки, неоднозначно оцениваются как исследователями, так и общественным мнением. Очевиден тот факт, что главные задачи, стоящие перед руководством страны, решены не были. Более того, эти проблемы существуют в нашей стране и на сегодняшний день. В связи с этим актуальным является вопрос, почему реформы, предпринятые М.С. Горбачевым, во многом потерпели неудачу. Такие итоги явились результатом целого комплекса причин, немаловажное значение среди которых занимает культурный фактор, поэтому исследователи обращаются к проблеме сознания, поведения людей, системы ценностей. При характеристике этих явлений все чаще используются понятия «миф», «социально-политическая мифология».

Миф рассматривается как определенная сфера человеческого сознания, которая, вступая во взаимодействие с различными явлениями, конструирует образ, модель, формирует целостную картину мира, очерчивающую границы социальных, исторических, научных представлений людей, увязывает в единую цепь противо-

речивые факты и явления. Основа этого лежит во внутренних убеждениях, в вере и в особенностях в связи с этим реагирования на какие-либо происходящие процессы, что определяется характерными чертами эмоционально-чувственной сферы и системой ценностей общества. Современные мифы носят, главным образом, политический и идеологический характер, объектом мифологизации выступают реальные личности либо события. Субъектом же мифотворчества становятся лица или группы лиц, создающие мифологические конструкции с определенными целями. Однако те же субъекты, сами являются носителями мифологического сознания. В так называемый период перестройки в Советском Союзе в качестве основного субъекта мифологизации выступала политическая элита.

Эффективная деятельность элитных групп является одним из путей выхода из кризисной ситуации, что становится актуальным как применительно к СССР, где инициатива преобразований шла именно от политической элиты, так и для современности, которая характеризуется инертностью основной массы населения, оторванностью ее от принятия политических решений.

Исследование такой темы привлекает как историков, так и философов, социологов, политологов. Из современных хотелось бы выделить работы Сергея Борисовича Орлова, где обозначаются признаки и формы проявления мифа, Марата Николаевича Чистанова, рассматривающего мифологию как важнейший способ формирования человеком картины мира. Анализу взаимоотношений мифологии и идеологии посвящено исследование Павла Семеновича Гуревича. Сборник «Мифы и мифология в современной России» посвящен роли мифов в истории нашей страны. Интерес представляют работы, дающие характеристику исторического времени, например, Согрина Владимира Викторовича, Шубина Александра Владленовича, работы о проблеме политической мифологии Шестова Николая Игоревича. Таким образом, литература по изучаемой проблеме довольно обширна, но носит в большинстве своем теоретический характер или затрагивают отдельные аспекты данного явления.

Формирование и трансформация мифов происходят посредством воздействия на сознание людей через определенные канал информации. Решающее значение в этом процессе для советской политической элиты имела пропагандистская и политико-воспитательная деятельность КПСС, которая в период перестройки имела ряд особенностей. Был выдвинут принцип руководства политическими методами на всех уровнях и требование разграничения функций партийных организаций и советов в целях повышения эффективности управления. Идет процесс перестройки самой партии, устанавливается система формирования у членов партии положительного отношения к новому политическому курсу. В этом выразилось стремление аппарата сохранить миф о единстве партии. После отмены 6 статьи Конституции миф о единстве партии начинает преобразовываться в миф о КПСС как «партии власти».

Еще одним каналом, оказывающим воздействие на коллективное сознание являются средства массовой информации. Политическая элита, с одной стороны, специально интересуется и следит за материалами печати и теле- и радиовещания, с другой – она выступает экспертом освещаемых вопросов. Конформизм сознания элиты привел к тому, что процесс воздействия на СМИ носил двусторонний характер: она интерпретирует информацию для влияния на массовое сознание и в то же

время убеждает саму себя. Важным является факт, что политическая элита не была единой, и воздействие СМИ еще более усиливают нарастающий идеологический раскол.

Комплексе социально-политических мифов служит важным показателем состояния политической культуры общества в целом. Многократно повторенный в политической практике некоторый набор стереотипных суждений, понятий и мотивации становится наполнением политической традиции. Миф начинает соотноситься с некоторым конструктивным порядком действий, из чего впоследствии формируются политические ценности, устой общественного и государственного порядка.

К середине 1980-х гг. в Советском Союзе сложилась своеобразная модель сознания и поведения политической элиты, которая включала в себя некоторые идеи и мифы, которые являлись внутренними убеждениями людей. Ключевыми из них стали идея служения народу, идея о необходимости опоры на государство при проведении реформ, что основывалось на идеологии этатизма, миф о приоритетности централизованного управления и партийного руководства, миф о необходимости в стране «сильной власти» или вождя, вера в общественную справедливость, как особую черту исследователи выделяют технократизм.

Изменение политической обстановки привело к трансформации старых и появлению новых мифов, имеющих свою специфику. В качестве одного из основных вопросов выносятся проблема сущности социализма. Социалистическая система по-прежнему представлялась идеальной моделью государственного и общественного устройства. На основе этого убеждения возникает миф о перестройке как политике, направленной на раскрытие потенциала социализма, его совершенствование. В качестве основного инструмента при этом называлась демократизация, затрагивающая все стороны жизни общества.

Миф о способности перестройки решить существующие проблемы возникает как продолжение веры в чудесное избавление. Такое убеждение подкреплялось проведением параллели между перестройкой и октябрьской революцией. Данное сравнение подтверждало высокую спасительную роль перестройки. Ту же функцию выполнял тезис о возвращении к ленинским принципам, которые считались неоспоримыми. В дальнейшем начинают формироваться политические движения, идейные представления которых о социализме и дальнейшем реформировании расходятся. Возникает ряд дискуссий о приоритете принципов классовой борьбы и общечеловеческих ценностей, общественных и личных интересов.

Основой деятельности «умеренных реформаторов» во главе с М.С. Горбачевым стала концепция обновления социализма. Новый общественный строй должен был характеризоваться направленностью на удовлетворение потребностей человека, разнообразными формами собственности, плановым управлением экономикой в сочетании с широкой самостоятельностью предприятий. В политической сфере социализм должен был включать гласность, плюрализм, законность, демократизацию в управлении экономическими и социальными процессами.

Далее выделяется охранительное течение. Фундаментальным для социализма назывались диктатура пролетариата, не затрагивались основы командно-административной системы. Основой здесь послужило убеждение в непогрешимости советской системы, заложенное пропагандой, образовательной системой, веро-

ятно, проявлялись страх перед возможными переменами, инерция человеческого сознания.

Участники демократического движения вырабатывают взамен социалистической идеи либеральную модель реформ, основанную на опыте западных стран. Отстаивается идея демократического парламента, перезаклучения союзного договора на условиях конфедерации. Во многом такая программа была ответом на падение авторитета КПСС, нерешительность руководства, тяжелую экономическую ситуацию, национальные противоречия, то есть идеологические причины – это было альтернативой концепции социализма. В либерализм, в западный опыт верили как в возможность спасения страны.

Таким образом, спектр идей и предложений, выдвинутых представителями политической элиты в период перестройки, был основан на эмоционально-чувственной сфере сознания в ущерб научному обоснованию, мнению экспертов, рациональным суждениям. Поэтому можно говорить о мифологизации сознания политической элиты, что повлияло на происходившие события и их итоги. В результате социалистический миф отошел на второй план, его место занимает миф либеральный.

Параллельно с процессами мифологизации сознания изменялась стратегия экономических реформ, представления о таких экономических институтах, как рынок, предпринимательская деятельность, собственность, государственное регулирование. Разработка и принятие законов основывались все на том же социалистическом мифе, вере в идеалы общественной справедливости.

Необратимый характер негативных тенденций вынудил руководство страны искать новые пути решения экономических проблем. Начинается разработка преобразований по установлению рыночных отношений. Первый вариант предполагал обеспечение плавного, регулируемого перевода плановой экономики на рыночные рельсы. Авторы второго варианта плана полагали возможным перейти к рынку за 500 дней на основе новой экономической доктрины, включающей приватизацию государственной собственности, децентрализацию управления экономикой, предоставлению благоприятных условий для развития частного предпринимательства. Так очерчивается либеральный миф, согласно которому единственное спасение России – в установлении свободных рыночных отношений, в изменении отношений собственности. Большую роль здесь сыграла вера, что люди смогут быстро приспособиться к новым условиям, будут способны следовать нормам права в процессе создания цивилизованных рыночных отношений, что либерализация позволит в кратчайшие сроки достичь высоких результатов. В то же время проявляет себя консервативный миф, выразившийся в неприятии идей о стремительном переводе хозяйства на рыночные рельсы, за чем последует рост цен и перспектива безработицы. Компромиссная программа перехода к рынку была вызвана к жизни лавированием между политическими силами, страхом перед окончательным расколом политической элиты, что во многом явилось причиной существенного разрыва между ожидаемыми и реальными итогами.

Таким образом, мифы в сознании политической элиты сыграли немаловажную роль в процессах, происходивших в нашей стране во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Мифологическая картина мира не позволяла представителям власти достаточно адекватно оценивать имеющиеся факты, представления о действи-

тельности подгонялись под уже существующие стереотипы. Решения, принимаемые руководством, во многом основывались именно на вере и внутренних убеждениях, а не являлись следствием анализа ситуации. Это явление стало частью комплекса причин, обусловивших неудачный результат реформ перестройки.

Примечания:

1. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1988. – 752 с.;
2. Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – 192 с.;
3. Мухасв, Р.Т. Политология / Р.Т. Мухасв. – М.: Издательство «Приор», 2000. – 400 с.;
4. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года // Литературная газета. – 1986. – 5 марта;
5. Общая и прикладная политология / под ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: Издательство «Союз», 1997. – 992 с.;
6. Политические партии России: история и современность / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 631 с.;
7. Смирнов, М.Ю. Российское общество между мифом и религией. Историко-социальный очерк / М.Ю. Смирнов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 228 с.;
8. Согрин, В.В. Перестройка: уроки и итоги / В.В. Согрин // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 140–146.;
9. Социология перестройки / отв. ред. В.Я. Ядов, ред. сост. Н.Г. Чичерина. – М.: Наука, 1990. – 190 с.;
10. Тургаев, А.С. Политология в схемах и комментариях / А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2005. – 304 с.;
11. Цуладзе, А.М. Политическая мифология / А.М. Цуладзе. – М.: ЭКСМО, 2003. – 383 с.;
12. Чикурова, М.А. Мифы как фактор функционирования политической сферы российского общества: социологический анализ / М.А. Чикурова. – М., 2007. – 28 с.;
13. Шматко, Н. «Научная революция» в российской экономике как зеркало экономических реформ / Н. Шматко // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 5. – С. 11–17.

**ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ РИВЕРОЙ Д.В.
THE INTERVIEW WITH PROF. RIVERA D.W.**

Ривера Дэвид Вернинг
Rivera David Werning

беседовал Кучинов А.М.
Kuchinov A.M. talked

Ривера Дэвид Вернинг
Краткое введение в дебаты Structure-Agency
Перевод и комментарии Кучинов А.М.

На ежегодную конференцию РАПН «Государство, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России» в ИНИОН РАН 22-23 ноября 2013 г. приезжал Ривера Д. В. – профессор Hamilton College (США), с докладом о политических транзитах в подходе structure-agency¹. В исследовании указывалось, что часть демократических транзитов происходит благодаря воле законов развития общества (structure), часть – благодаря действиям лидеров (agency). В связи с тем, что подход structure-agency ещё не стал широко распространённым в российской политологии, одному из редакторов журнала оказалось интересно поговорить с Риверой Д. В. об этом подходе, ведь он ещё слабо освоен теоретически, на русский язык даже нет общепринятого перевода слова «agency». Американский профессор дал нам свои мысли о подходе, интервью и прочитал лекцию в МГИМО (У) МИД РФ 25 ноября 2013 г.

Ривера Д. В. - политолог, специалист по переходным процессам в странах Европы и Азии, исследовательским методам, является Ph.D. Гарвардского (1988) и Мичиганского (1999) университетов, был директором Гарвардского Российского Института Международных Отношений в Москве. Сотрудничает со многими научными журналами России и зарубежных стран, в т. ч. с журналом ИС РАН – РАПН «Полис».

Дебат structure-agency (structure versus agency debate) приводит организационные рамки, которые позволяют понять политическое развитие и режимные изменения в мире². Структура указывает на долгосрочные, глубинные атрибуты стра-

¹ Дебат structure-agency (structure versus agency debate) – тенденция в развитии современной социологической теории, представляющая собой исследование роли структуры и agency. Разработка проблемы в её нынешней терминологии начата в 1980-е гг. Э. Гидденсом. К дебатам structure-agency относятся теория структуризации Э. Гидденса, теория морфогенеза М. М. Арчер, культуральная социология Дж. Александера, теория габитуса П. Бурдьё, акторно-сетевая теория Б. Латура и др. См. подробно: Риттер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. - СПб.: Питер, 2002. С. 446-482.

В истории русской философии и социологии этот вопрос неоднократно поднимался в учениях о роли личности в истории (П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин, Н. К. Михайловский, Л. Н. Толстой и др.) люди (agency) творят историю, или история (structure) имеет свои законы, которые неподвластны людям.

² Транзитология – исследовательское направление, рассматривающее вопросы перехода стран от коммунистических режимов к демократии.

ны, на вещи таких видов, которые трудно изменить, и которые меняются очень медленно, если меняются вообще. Примеры структурных факторов – география страны, её снабжённость природными ресурсами, её религиозное наследие, её доминирующая политическая культура, её уровень экономического развития и другие. Те, кто верят в доминирование структуры в ходе истории, придерживаются позиции, что история – это продукт сил макроуровня, сил, которые разворачиваются как приливная волна, и что никакие исторические акторы³ или группы акторов не могут их выдержать. Марксизм представляет собой структурно-детерминированный взгляд на историю и политику, но это далеко не единственная такая теория.

Агнсу указывает на роль в истории, которую играют индивиды и умышленные выборы, делаемые историческими акторами. Теории и объяснения, базирующиеся на агнсу (или «волюнтаристские») указывают на черты характера и ценности политических лидеров. Или, они могут подчёркивать стратегии и тактики, которые политические лидеры используют с целью достижения власти и мобилизации поддержки для их любимых политических линий. Те, кто верят в важность агнсу, придерживаются позиции, что политическое лидерство часто обладает способностью изменять ход истории в значимых отношениях. Используем метафору из мира физики, они верят, что индивидуальные лидеры могут плыть против преобладающих исторических потоков на значительные расстояния, а иногда даже – перенаправлять течения исторической волны. Учёные, которые верят в силу агнсу, обычно считают, что случайность играет большую роль в курсе событий. Более того, они верят, что если разные люди были у власти на различных ключевых поворотных пунктах истории, то ход событий мог бы последовать совсем другим путём.

Выяснение, действительно ли данный политический лидер поистине незаменим для выполнения некоторых важных исторических результатов – очень сложное начинание. Продолжая метафору, которую я начал использовать выше, в анализе социальных отношений сложно различить, является ли конкретный лидер талантливым пловцом или он просто движется по сильному течению. Арнольд Людвиг красноречиво описывает аналитическую сложность, которая появляется: «Одна проблема в оценке политической гениальности правителей – это то, что они должны получить заслуги. В противоположность [художникам, учёным, военным командирам, атлетам и хирургам], политические правители часто полагаются на экспертов-советников за помощью при формулировании внешней, внутренней и экономической политических линий... Так же, не так как другие профессионалы, они могут быть вознаграждены за долговременные эффекты инициатив, начатых их предшественниками и быть обвинёнными за события, которые находятся вне их контроля».⁴

³ «Actor» следует разграничивать с «agent». Первый – носитель «действия» (action) в том смысле, какое вкладывал в понятие «действие» Вебер М. «Agent» – носитель «agency», иногда используется как синоним «actor», однако, в ряде современных теорий разграничение «actor» и «agent» принципиально. «Agent» в самом общем смысле – человеческий фактор, который изменяет структуру.

⁴ Ludwig A. M. King of the Mountain: The Nature of Political Leadership. - Lexington: The University Press of Kentucky, 2002. P. 272-273.

Более того, прочтение Людвигом А. М. веков того, что он называет «Борьбой Великого Человека против Исторической Необходимости» приводит его к пессимистическому заключению: «При приписывании заслуг лидеру с властью, формирующей ход истории, сторонники теорий великого человека, часто становятся добычей рассуждения типа *post hoc ergo propter hoc*⁵ о том, что атрибуты – это прямая причинная связь между правителями и событиями, происходящих во время их правления. К сожалению, если не считать многочисленных рассказов людей, кажется, на кого повлияли их годы, никаких научных доказательств не существует для того, чтобы указать, что великие люди могут изменить ход истории».⁶ Тем не менее, этот вопрос является достаточно важным, чтобы оправдать продолжение расследования. Кроме того, хорошие новости в комментариях Людвиг А. М., что, безусловно, рамки у представителей современных социальных наук дают возможность достичь большего, чем у предыдущих поколений мыслителей.

©. Rivera David Werning, 2013.

©. Перевод, комментарии – Кучинов А. М., 2013.

Rivera David Werning

A Brief Introduction to the Structure-versus-Agency Debate

Comments by Kuchinov A. M.

At the Russian Political Science Association (RuPSA) annual conference “Government, business, civil society in the conditions of Russian modernization” in Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Science at 2013 November 22-23 Rivera D. W. – professor of Hamilton College (USA), with report about political transitions in structure-agency approach⁷, came. The research mentioned, some democratic transits happens by the will of the laws of development of society (structure), and some – thanks to leaders (agency).

The approach seemed very interesting for one of the journal's editors. In Russia, structure-agency approach does not well-known by political scientists, it is used by sociologists more. Structure-agency methodology is not assimilated enough in theory to do empirical researches in Russia. One of the most significant pain points is because of language. Russian language does not allow distinguishing “action” and “agency”, they are called in Russian by one the same word “deystviye”. So, we are able to distinguish it, remembering XIX century Russian sociologist Nikolay K. Mikhaylovskiy and other Russian theoreticians.

American Professor gave us his thoughts about the approach, interview and gave a lecture in Moscow State Institute of International Relations (University) of Russian Federation Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University) at 2013 November 25.

Rivera D. W. – political scientist, specialist on transition processes in European and Asian countries, research methods, Ph.D. of Harvard (1988) and Michigan (1999) uni-

⁵ Лат. «после этого, следовательно, по причине этого»

⁶ Ibid. P. 317.

⁷ See: Ritzer G. Sociological theory / George Ritzer, Douglas J. Goodman. - 6th ed. - Boston: McGraw-Hill, 2004. P. 508-539.

versities, was a director of the Harvard Russian Institute of International Affairs in Moscow. Rivera D. W. cooperates with many scientific journals in Russia and other countries, including "Polis (Political studies)" ("Polis (Politicheskiye issledovaniya)") – the main journal on political science of RuPSA and Institute of Sociology of Russian Academy of Science.

The structure versus agency debate provides an organizing framework for attempts to understand political development and regime-change throughout the world. Structure refers to long-term, deep-seated attributes of a country, characteristics that are hard-to-change and that change only slowly, if at all. Examples of structural factors are the geography of a country, its natural resource endowment, its religious heritage, its dominant political culture, and its level of economic development, among others. Those who believe in the dominance of structure in the course of history hold that history is the product of such macro-level forces, forces that unfold like a tidal wave and that no historical actor or group of actors can withstand. Marxism represents a structural determinist view of history and politics, but it is far from the only such theory.

Agency refers to the role in history played by individuals and to the willful choices made by historical actors. Agency-based (or "voluntarist") theories and explanations stress the character traits and values of political leaders. Alternatively, they might stress the strategies and tactics that political leaders employ for the purpose of achieving power or mobilizing support for their favored policies. Those who believe in the importance of agency maintain that political leadership often has the ability to alter the course of history in meaningful ways. To use a metaphor from the physical world, they believe that individual leaders can swim against the prevailing historical currents for significant distances, and sometimes even redirect the flow of the wave. Scholars who believe in the power of agency also tend to believe that random chance plays a large role in the course of events. In addition, they certainly believe that if different people had been in power at various key historical junctures, then the course of events would have followed very different patterns.

Discerning whether a given political leader was truly indispensable to the accomplishment of some important historical outcome is a very difficult undertaking. To continue the metaphor that I used above, it is usually difficult in the analysis of social affairs to discern whether a particular leader is a talented swimmer or whether he is merely being propelled along by a strong current. Arnold Ludwig eloquently describes this analytical difficulty as follows: "One problem in judging the political genius of rulers is knowing what they should get credit for. In contrast [to artists, scientists, military commanders, athletes, and surgeons], political rulers often rely on expert advisors to help them formulate foreign, domestic, and economic policies... Also, unlike other professionals, they may be credited with the long-term effects of initiatives launched by their predecessors and be blamed for events beyond their control."⁸

Moreover, Ludwig's reading of centuries of work on what he terms "The Great Man versus Historical Necessity Controversy" leads him to the following pessimistic conclusion: "While crediting a leader with the power to shape the course of history,

⁸ Ludwig A. M. *King of the Mountain: The Nature of Political Leadership*. - Lexington: The University Press of Kentucky, 2002. P. 272-273.

advocates of the great-man theory often fall prey to a type of *post hoc ergo propter hoc*⁹ reasoning that attributes a direct causal relationship between rulers and the events unfolding during their reign. Unfortunately, aside from numerous anecdotal accounts of men who seem to have influenced their ages, no scientific proof exists to indicate that great men can change the course of history.”¹⁰ Nonetheless, this issue is important enough to warrant continued investigation. Moreover, the good news in Ludwig's comments is that there is certainly scope for modern social scientists to accomplish more than have previous generations of thinkers.

©. Rivera David Werning, 2013.

©. Comments – Kuchinov Artemiy Mikhaylovich, 2013.

Интервью с профессором Риверой Д. В. (беседовал Кучинов А. М.)

[А. М. Кучинов] Как Вы могли бы описать ваш подход к изучению транзитов? Какие необычные теоретико-методологические решения Вы могли бы посоветовать российским исследователям?

[Д. В. Ривера] У меня, конечно, нет ни одного теоретического или методологического подхода, который я рекомендую другим исследователям, изучающим посткоммунистические транзиты. В общем, чей-либо выбор теорий для решения [какого-либо исследовательского вопроса] всегда должен быть ориентирован на конкретный вопрос, на который вы хотите получить ответ. Аналогичным образом, выбор методов чьего-либо исследования должен быть приспособлен к природе доказательств, которое является доступным и актуально для вопроса на стадии рассмотрения.

С другой стороны, мой соавтор, Шарон Вернинг Ривера и я, выпустили одну статью по российскому переходу¹¹ и завершили проект другой статьёй о демократизации (или её отсутствии) всего посткоммунистического региона; и важная особенность нашей работы – несколько отличий в том, что мы прилагаем значительные усилия (и, надеюсь, успешно), чтобы совместить структуру и агенсу в нашем анализе. То есть, несмотря на то, что наши статьи стремятся показать, что лидеры оказывали разное влияние на политическое развитие своих стран, мы оба также полностью признаём тот факт, что многие, в действительности большинство из этих стран, сталкиваются с серьезными структурными трудностями демократизации. Самое важное, что наши работы явно учитывают эти ограничения в наш эмпирический анализ. В частности, в обеих этих статьях, мы уверены, утверждая, что президент страны оказывает большую разницу лишь после демонстрации, что структурные факторы *не* обеспечивают адекватного ресурса (account) для политического развития страны. Следовательно, единственное, что я могу посоветовать другим исследователям, которые изучают, в какой степени данный лидера или

⁹ Latin “after this, therefore because of this”

¹⁰ Ibid. P. 317.

¹¹ Ривера Д. В., Ривера III. В. Ельцин, Путин и президентская власть // Полис (Политические исследования). – М.: ИС РАН, 2012. № 3. С. 19-29.

группы лидеров сделала разницу, серьезно принять структуру. Тем, кто принимают сторону агенсу в классическом дебате «структура против агенсу» всегда нужно избегать искушения, утверждая, что агенсу - это единственное, что имеет значение. Некоторые цели могут быть по-настоящему вне досягаемости даже самого талантливого лидера.

[А. К.] Подход structure-agency освоен в России мало. Говоря о structure-agency, я вспоминаю цитату русского социолога Н. К. Михайловского (1842-1904), который в 1882 г. писал *«Пусть с какой-нибудь очень возвышенной и вполне оправдываемой логикой точки зрения великий человек есть даже просто нуль или самое большее бессознательное орудие осуществления высших и общих исторических законов; пусть его деятельность должна изучаться с точки зрения этих общих законов; но кроме них существуют же какие-нибудь частные законы отношений между великим человеком и движущейся за ним массой»*¹². Я думаю, что эта цитата – какой-то ключик, волшебная ниточка, которая поможет науке на русском языке точно понять, что такое «структура» и «агенсу»? Здесь «высшие и общие исторические законы» – это «структура», а «человек и его деятельность» – «агенсу»? Как они соотносятся? не является ли подход structure-agency продолжением философских размышлений «человек творит историю или история творит людей»?

[Д. В. Ривера] Да, я думаю, что здесь есть много пересечений между понятиями.

[А. К.] Насколько подход structure-agency распространён в США? Какие подходы сейчас используются чаще? Он используется в социологии и философии, или и в политологии тоже?

[Д. В. Ривера] Мне нужно говорить только о политической науке с тех пор, как это моя дисциплина. Эти термины широко используются в исследованиях по сравнительной политике (comparative politics). Хотя, важно помнить, что они отражают категории переменных, не сами категории. Солидной научно-исследовательской работе необходимо пойти дальше и указать, какие конкретные переменные представляют структуру и какие переменные представляют агенсу. Более того, чаще всего, чем в данном исследовании, будут использоваться структурные или акторные (actor-based) переменные без использования понятий «структура» или «агенсу».

[А. К.] Как Вы могли бы прокомментировать российский посткоммунистический транзит? Он совершён структурой – законами истории и институтами, или с помощью агенсу – лидеров и людей, которые следуют им или протестуют против них? Что нам нужно делать, чтобы достичь лучшего социально-политического порядка?

[Д. В. Ривера] Я исследовал российскую посткоммунистическую эволюцию с её начала, поэтому мне сложно ответить на ваш вопрос не потому, что мне нечего сказать, а потому, что я не знаю, с чего начать. Поэтому, я думаю, я буду акценти-

¹² Михайловский Н. К. Герои и толпа // Михайловский Н. К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии: В 2-х тт. / Отв. ред. В. В. Козловский. - СПб.: Алетейя, 1998. Т. 2. С. 6.

ровать ваше внимание на одних из наиболее примечательных результатах моих исследований по теме: а именно, что Россия в 1990-е гг. была гораздо более свободной и демократической, чем большинство его коллег-участников Содружества Независимых Государств и что можно было бы ожидать от основы в структурных детерминантах. В общем, я бы посоветовал россиянам остановить очернение 1990-х гг. Переход от командной экономики был тяжёлым во всём посткоммунистическом мире и он предполагал, как много, если не больше, боли в экономике в большинстве (и, возможно во всех) стран СНГ, как это произошло в России. Более того, много было сделано так же и в последнее десятилетие. В частности, если бы Борис Ельцин не строил капиталистической экономики, поддерживая мир с соседями России и не мешал бы коммунистам вернуться к власти, то рост и относительное процветание в последние тринадцать лет были бы невозможны. Борис Ельцин заложил основу для успехов и достижений Владимира Путина.

©. Rivera David Werning, Kuchinov Artemiy Mikhaylovich, 2013.

©. Перевод – Кучинов А. М., 2013.

**The interview with Prof. Rivera D. W.
(Kuchinov A. M. talked)**

[A. M. Kuchinov] How can you describe your approach to study of transitions? What unusual theoretical and methodological frameworks could you advise for Russian researchers?

[D. W. Rivera] I certainly don't have any single theoretical or methodological approach to recommend to other scholars studying the postcommunist transitions. In general, one's selection of theories to consider always needs to be tailored to the specific question that one is seeking to answer. Similarly, one's choice of research methods needs to be tailored to the nature of the evidence that is both available and pertinent to the question under examination.

On the other hand, my co-author, Sharon Werning Rivera, and I have published one article on the Russian transition¹³ and have completed a draft of another article on the democratization (or lack thereof) of the entire postcommunist region; and one feature of our work that is somewhat distinctive is that we try hard (and hopefully successfully) to combine structure and agency in our analyses. That is, even though both of our articles seek to demonstrate that leaders have made a difference in the political development of their countries, they both also fully accept the notion that many, indeed most, of these countries have faced serious structural constraints to democratization. Most importantly, our works explicitly factor these constraints into our empirical analyses. In particular, in both of these articles, we are comfortable arguing that a country's president made a big difference only after demonstrating that structural factors do *not* provide an adequate account of that country's political development. Hence, one thing I can advise other scholars who are investigating the extent to which any given leader or group of leaders

¹³ A Russian-language version of that article was published as "El'tsin, Putin i prezidentskaya vlast'" [Yeltsin, Putin, and the Power of the Presidency], *Politicheskie issledovaniya* [Political Research], No. 3 (2012), pp. 19-29.

has made a difference is to take structure seriously. Those who take the side of agency in the classic “structure versus agency” debate always need to avoid the temptation to argue that agency is the only thing that matters. Some goals are truly beyond the reach of even the most gifted leader.

[A. K.] Structure-agency is the approach, mastered in Russia little. Speaking about structure-agency, I remember citation from Russian sociologist Nikolay K. Mikhaylovskiy (1842-1904), who in 1882 wrote *“Let, from some very lofty and quite logically justified point of view, a great person is even just zero or at the most unconscious instrument of higher and General historical laws implementation; let (s)his activities should be studied from the point of view of these General laws; but besides these, there are also some private laws of relations between the great person proved and a crowd, moved by him/her”*¹⁴. I think that this citation is some key, magic thread, which can help Russian-language science to understand exactly what “structure” is and what “agency” is? Are “General historical laws” here – a “structure” and “person and activities” – an “agency”? How do they compare? Is structure-agency approach a continuation of philosophical reflection “if people create history or history creates people”?

[D. W. Rivera] Yes, I think there is a lot of overlap among concepts here.

[A. K.] How widespread is the structure-agency approach in the US? Are any other approaches even more common? Is it used in sociology and philosophy, or in political science as well?

[D. W. Rivera] I should speak only about political science since that is my discipline. The terms are widely used in the study of comparative politics. However, it is important to remember that they represent categories of variables, not variables themselves. Solid research needs to go a step further and specify what concrete variables represent structure and what variables represent agency. Moreover, more often than not a given study will utilize structural or actor-based variables without utilizing the terms “structure” or “agency.”

[A. K.] Do you have anything to say about Russia’s post-communist transition? Has it been shaped by structure – historical laws and institutions, or by agency – leaders and people who follow them or protest against them? What should we do to achieve a better socio-political order?

[D. W. Rivera] I have been studying Russia’s post-communist evolution since its beginning, so it’s hard for me to answer your question not because I don’t have anything to say but because I don’t know where to begin. Hence, I guess I will emphasize one of the more noteworthy findings of my research on the subject: namely, that Russia in the 1990s was much more free and democratic than both the majority of its fellow members of the Commonwealth of Independent States and than what one would expect on the basis of structural determinants. In general, I would advise Russians to stop vilifying the 1990s. The transition from the command economy was difficult throughout the post-communist world, and it involved as much, if not more, economic pain in most (and per-

¹⁴ Михайловский Н. К. Герои и толпа // Михайловский Н. К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии: В 2-х тт. / Отв. ред. В. В. Козловский. - СПб.: Алетейя, 1998. Т. 2. С. 6.

haps all) of the CIS countries as it did in Russia. Moreover, a lot was accomplished in that decade as well. In particular, if Boris Yeltsin had not built a capitalist economy, maintained peace with Russia's neighbors, and prevented the Communists from returning to power, then the growth and relative prosperity of the last thirteen years would not have been possible. Boris Yeltsin laid the groundwork for the successes and achievements of Vladimir Putin.

©. Rivera David Werning, Kuchinov Artemiy Mikhaylovich, 2013.

АВТОРЫ

Rivera David Werning – Ph.D., Hamilton College, Government faculty, Scholar in Residence
drivera@hamilton.edu

Барандова Татаьяна Леонидовна – старший преподаватель кафедры прикладной политологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, соискатель
tbarandova@yandex.ru

Ведерникова Мария Игоревна – студент 5 курса Факультета Политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
maria.vedernikova@yandex.ru

Гончаров Степан Владимирович – студент Факультета Политологии Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова, сотрудник АНО «Левада-центр»
svgonch@gmail.com

Гранатова Юлия Валерьевна – магистр политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет
giornata004@gmail.com

Закиров Айдар Робертович – студент Казанского Федерального (Приволжского) университета, Философского факультета Отделения политологии
azr12353@gmail.com

Красноперов Антон Юрьевич – студент Национального исследовательского Томского государственного университета
antonk91@list.ru

Кучинов Артемий Михайлович – студент 4 курса факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
arkuchinov@yandex.ru

Новикова Светлана Александровна – аспирант кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета
svethnovikova@gmail.com

Сырцева Екатерина Александровна – студентка 2 курса магистратуры Исторического факультета Южно-Уральского государственного университета
pinkycat@bk.ru

Шахмурadian Михаил Андреевич – студент 5 курса Факультета Государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
sbur.shahmuradyan@yandex.ru

Шайхтдинова Альбина Адиковна – студентка 2 курса магистратуры Исторического факультета Южно-Уральского государственного университета